

ЗАПРЕЩЕННЫЕ ЦЕНЗУРОЙ ТЕКСТЫ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Предисловие редакций «Литературного Наследства»
Комментарии М. Нечкиной, В. Каплинского

НОВЫЕ ТЕКСТЫ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Маркс и Ленин чрезвычайно высоко ценили Н. Г. Чернышевского. Маркс в письме к редактору «Отечественных Записок» называл Чернышевского «великим русским ученым и критиком», заслуживающим «высокого уважения». В предисловии ко второму немецкому изданию «Капитала» Маркс писал, что Чернышевский мастерски выяснил в своих очерках политической экономии банкротство буржуазной экономической науки. Знавший лично Маркса Г. Лопатин свидетельствует, что Маркс не раз говорил ему о том, что Чернышевский представляет собою «действительно оригинального мыслителя», в то время как остальные «ученые» являются лишь простыми компиляторами, и считал, что «политическая смерть Чернышевского есть потеря для ученого мира не только России, но целой Европы». Приведенными характеристиками не исчерпываются высказывания Маркса о Чернышевском, — он не раз возвращался к его оценке, оставшейся неизменно высокой. Столь же высоко ценил Чернышевского Ленин, давший в своих многократных высказываниях о Чернышевском глубочайший анализ его идеологии и его роли в революционном движении. Ленин называет Чернышевского «великим революционером», «великим социалистом домарковского периода», «гениальным мыслителем», сумевшим остаться «на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий взор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»¹. Ленин с величайшим вниманием изучал Чернышевского и не раз анализировал выдвинутые им положения. Вместе с тем Ленин предостерегал против искажения действительной исторической роли Чернышевского путем замазывания его слабых сторон, разоблачал позицию «Рабочей Мысли» (органа петербургских экономистов), пытавшейся отрицать утопизм Чернышевского².

Марксистско-ленинское изучение работ Чернышевского является важнейшей задачей. Это изучение должно располагать полным, точным, проверенным текстом работ Чернышевского. Лишь Октябрьская революция дала возможность восстановить все цензурные искажения, уродовавшие текст Чернышевского, и дать тем самым в руки советского читателя действительно полный текст. До Октябрьской революции выполнение этой задачи оказывалось неосуществимым: «Полное собрание сочинений» Чернышевского, подготовленное к печати его сыном и изданное в 1906 г., является «полным» лишь по названию. В силу технических условий и цензурных преград в нем опубликован далеко не полный текст и восстановлены далеко не все цензурные купюры.

За последние годы изучение Чернышевского обогатилось большим количеством его новых текстов. Наибольшее число публикаций падает на литературу, связанную со столетним юбилеем со дня рождения Чернышевского (1828—1928). Опубликовано ценнейший дневник Чернышевского, отрывки из его автобиографии, огромное собрание писем Чернышевского за все периоды его жизни («Литературное наследие», т. I—III; значительная часть писем опубликована впервые). Уже после выхода трехтомного «Лите-

¹ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 387; т. XVII, стр. 159, 160; т. XIII, стр. 293—295.

² Сочинения, т. II, стр. 544—545.

ратурного наследия» опубликован ряд дополнительных материалов, в том числе писем Чернышевского. В те же юбилейные дни опубликован I том «Избранных произведений» Чернышевского, проверенных по рукописям и цензорским корректурам. Но к сожалению даже этот задуманный к юбилейным дням шеститомник избранных произведений остался неосуществленным: кроме I тома, вышедшего в 1928 г., вышел еще в 1930 г. IV том, — на этом дело пока и «закончилось» — четыре тома остаются неизданными.

Документальным публикациям последних лет ниже посвящен особый обзор, поэтому подчеркнем лишь одно: несмотря на большое количество ценных новых текстов Чернышевского, опубликованных за последнее время, мы еще далеко не знаем подлинного Чернышевского. Лучшее доказательство этого — новые тексты, впервые публикуемые в настоящем номере журнала. Они не были известны до сих пор, не вошли в исследовательский оборот. Можно ли сказать, что мы знали такие замечательные произведения Чернышевского, как «Суеверие и правила логики», «Тюрго», «Национальная бестактность», «Русский реформатор», «Нынешние английские вити», если самые острые в политическом смысле, самые насыщенные революционным содержанием тексты были вычеркнуты красным цензорским карандашом и эти статьи в таком изуродованном виде находились до сих пор в нашем распоряжении? Этот обескровленный, искаженный и разорванный текст подавался нам за настоящий и полный, на этом изуродованном тексте строилось изучение Чернышевского. Крупнейшая по объему монография о Чернышевском, принадлежащая Ю. М. Стеклову, занимающая два огромных тома (свыше 1 300 страниц!) и вышедшая (вторым изданием) в 1928 г., построена именно на этом изуродованном царской цензурой тексте Чернышевского.

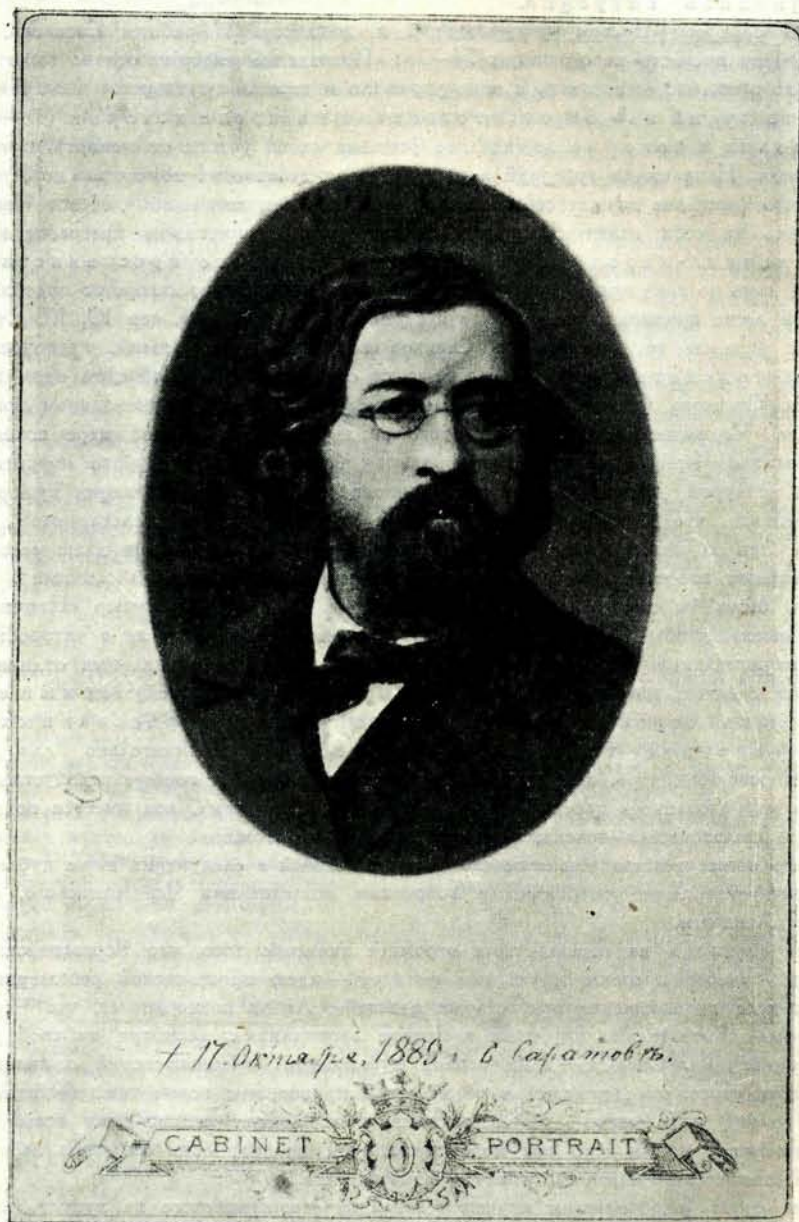
Ю. М. Стеков разумеется прекрасно знал, что текст Чернышевского изуродован цензурой. Так же хорошо знал он и то, что чрезвычайно легко и просто можно восстановить полный текст произведений великого революционера, — надо лишь обратиться к рукописям и цензорским корректурам, местонахождение которых Ю. М. Стеклову было, конечно, хорошо известно. Столь же хорошо знал автор монографии, что появление в свет его труда во втором издании, «исправленном и дополненном» (какая ирония!), тускает в оборот среди широкой читательской массы искаженный царской цензурой текст великого революционера. Тем самым — разумеется наперекор собственному желанию — автор продолжает дело царской цензуры, стремившейся скрыть подлинного Чернышевского от трудящихся масс. Конечно Ю. М. Стеков не хотел этого, но это не изменяет ни на йоту объективного значения его небрежного отношения к текстам Чернышевского.

Ошибочность концепции Ю. М. Стеклова уже давно вскрыта марксистско-ленинской критикой. Стеков пытался представить Чернышевского идеологом пролетариата, основоположником научного социализма в России, предвидевшим и Октябрь, и советы, и колхозы. Чернышевский вовсе не нуждается в такой ложной и «хвалебной» оценке. Подобная трактовка Чернышевского противоречит и всем высказываниям Ленина, подчеркивавшего, что Чернышевский был социалистом-утопистом, который «не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»¹.

Крестьянская реформа совершилась в обстановке революционной ситуации. Работа Чернышевского была глубочайшим образом связана с волной поднимавшейся крестьянской революции. Ленин подчеркивает это, говоря, что Чернышевский был не только социалистом-утопистом, но и «революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя, через препоны и рогадки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей». Недавно вышедшее собрание документальных материалов² по крестьянскому движению кануна реформы дает обильный фактический материал для

¹ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 144.

² Крестьянское движение 1827—1869 гг. Вып. 1 и 2. Подготовили к печати Е. А. Морозовец и А. А. Сергеев, М., 1931, Соцэкгиз.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Фотография (1883 г.) из альбома Ленина с его собственноручной подписью, хранящаяся в Институте Маркса — Энгельса — Ленина

характеристики создавшейся тогда революционной ситуации. Заметим, что революционная ситуация осознана была царским правительством, спешившим, как известно, освободить крестьян «сверху» для того, чтобы помешать им освободиться «снизу». Характерной чертой буржуазно-либеральной концепции реформы было отрицание революционной ситуации.

Теперь раскроем II том «исправленной и дополненной» работы Стеклова, чтобы с удивлением прочесть на страницах 74—75: «Проведение реформы отдано было в руки рабовладельцев, что естественно и явно угрожало интересам трудящихся масс. Последнее в то время как бы отсутствовало на арене истории (!? — Ред.). Они молча и покорно дожидались решения своей участи от монарха, в которого еще верили. Начальники губерний во время работ губернских комитетов доносили отовсюду, что крестьяне держат себя тише и спокойнее, чем когда-либо¹. И вот Чернышевский взял на себя задачу выступить в литературе защитником интересов великого молчаливика-народа, быть рупором безгласного крестьянства».

Перед нами во всей красе буржуазная концепция «реформы»; авторство подобных рассуждений легче приписать калужскому губернатору Арцимовичу, чем Ю. М. Стеклову.

Таким образом то, что Ю. М. Стеков пользовался неполными, изуродованными текстами, содействовало неправильности его концепции. Приведем один пример: в работе Стеклова (т. I, стр. 479—491) имеется раздел о национальном вопросе в трактовке Чернышевского; выводы этого раздела в значительной мере покоятся на тексте статьи Чернышевского «Национальная бестактность», глубоко изуродованном царской цензурой. Достаточно прочесть приводимые в нашей публикации купюры, чтобы убедиться, что мы не знали до сих пор настоящего текста этой статьи. Ю. М. Стеков полагает, что, по Чернышевскому, «национальные и даже расовые отличия играют второстепенную роль сравнительно с различиями классовыми². Но достаточно было бы ему прочесть лишь вторую из публикуемых купюр «Национальной бестактности», чтобы убедиться, что у Чернышевского речь идет не о «второстепенной роли» национальных отличий, а о классовом содержании национальных отличий.

Отсюда следует: марксистско-ленинское изучение Чернышевского должно основываться на полных, не изуродованных царской цензурой текстах Чернышевского. Унизительно для памяти великого революционера, столь высоко ценимого Лениным, и вообще недопустимо пользование изуродованным царской цензурой текстом в то время, как имеется полная возможность пользоваться неискаженным подлинным текстом.

Подбор новых текстов Чернышевского, предлагаемый в следующих ниже публикациях, руководствуется теми центральными вопросами исследования Чернышевского, которые указаны Лениным.

Ленин выдвинул на первый план огромное значение того, что Чернышевский умел проводить «через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей». Ленин подчеркивает, что Чернышевский «был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм». Отсюда — тема первой публикации: «Чернышевский о капитализме, крепостном строе, самодержавии и революции», приводимые новые тексты статей «Тюрьго», «Русский реформатор», «Суеверие и правила логики» и др. дают новый блестящий материал, еще и еще раз подтверждающий правильность основных характерных черт Чернышевского-идеолога, отмеченных Лениным.

Ленин считал необходимым изучение взглядов Чернышевского на национальный вопрос. Недаром Ленин говорит о Чернышевском в таких работах, как «Критические заметки по национальному вопросу», «О праве наций на самоопределение», «О национальной гордости великороссов». Во второй из упомянутых работ³, написанной в 1914 г.,

¹ Утверждение, документально опровергаемое хотя бы цитированными в предыдущей сноске материалами, которые могли быть использованы Стековым в подлинниках во время «исправлений и дополнений» его монографии. — Ред.

² Ю. М. Стеков, Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность, М.—Л., 1928, том I, стр. 481.

³ Ленин, Сочинения, т. XVII, стр. 457.

Ленин прямо дает тему для исследования: «Было бы весьма интересной исторической работой сопоставить позицию польского шляхтича-повстанца 1863 года, позицию всероссийского демократа-революционера Чернышевского, который тоже (подобно Марксу) умел оценить значение польского движения, и позицию выступившего гораздо позже украинского помещика Драгоманова...»

Эта интереснейшая тема, сформулированная Лениным, должна быть исследована историками-марксистами. Вторая наша публикация как раз и дает для нее новый материал, объединенный заглавием: «Чернышевский о национальном вопросе и классовой борьбе на Украине». Статья «Национальная бестактность», купюры которой приведены в этой публикации, написана в 1861 г. как раз в эпоху подготовки польского восстания и характеризует отношение Чернышевского к польским националистам и выдвинутой ими программе социальных реформ.

Несколько особняком стоит публикация новых текстов Чернышевского о Пушкине, еще раз подчеркивающих мысль Чернышевского о необходимости «выяснить общественное значение творчества поэта и заняться изучением содержания его произведений в противовес увлечению одной лишь формой произведений. Мнение Чернышевского, что содержание произведений Пушкина неглубоко и характерно для дворянского общества его эпохи, связывается опять-таки с той непримиримой борьбой, которую Чернышевский вел с отживающим крепостным строем и дворянской Россией.

Наши публикации разумеется не преследуют цели восстановить полный текст тех работ Н. Г. Чернышевского, из которых цитируются купюры, — это задача полного академического издания работ Н. Г. Чернышевского, которое — будем надеяться — когда-нибудь осуществится; наша цель — привести наиболее характерные купюры, пустить их в исследовательский оборот и вместе с тем показать читателю, что мы еще не знаем подлинного Чернышевского¹.

Ред.

¹ Процесс этой работы наталкивает на необходимость поднять общий вопрос о создании в Москве Всесоюзного историко-литературного музея. Время для его создания назрело и потребность в нем огромная. Попытки организации подобного музея делались прежде с разных сторон, но по ряду причин терпели неудачу. Гораздо более серьезным, заслуживающим всемерного внимания и поддержки является начинание, о котором рассказывается ниже в сообщении В. Д. Бонч-Бруевича.

До сих пор ценнейшие историко-литературные фонды разбросаны между множеством царских музеев (в одной Москве десятков музеев: им. Достоевского, Чехова, Тютчева и др.). Какие неудобства в работе создает подобное положение можно видеть хотя бы на примере архива Чернышевского: всякая научная работа над подлинниками Чернышевского в Москве исключена.

Из-за ряда совершенно случайных обстоятельств, главным образом потому, что в 1916 г. в связи с империалистической войной в Саратов были эвакуированы рукописные коллекции библиотеки Академии Наук, там осели ценные материалы литературного наследия Чернышевского. Факту концентрации в Саратове рукописного фонда материалов по Чернышевскому способствовало и то, что старое руководство Пушкинского Дома передало туда в 1926/27 г. самую ценную часть архива Чернышевского: рукописи и корректуры статей Чернышевского из «Современника». Случилось так, что все остальные музеи и архивохранилища СССР передали туда хранившиеся у них материалы и документы по Чернышевскому.

Редакция понимает и ценит значение местных музеев и архивов, характеризующих прошлую культурную жизнь данного провинциального гнезда; всячески поощряя их развитие, редакция охотно предоставляет страницы «Литературного Наследства» для сообщений о их деятельности и публикаций их рукописных собраний. Самой собой, в Саратове, как нигде, следует быть музеем им. Чернышевского, но отсюда никак не вытекает необходимость концентрировать там подлинники его произведений, весь его литературный архив. Архивы и фонды всесоюзного значения, каким безусловно является и архив Чернышевского, должны найти место в научном учреждении всесоюзного масштаба; таким и должен стать вновь организуемый Центральный Литературный Музей, который обязан в свою очередь снабдить местные музеи взамен передаваемых ему фондов соответствующими фотокопиями.

Редакция просит заинтересованные институты, учреждения и отдельных научных работников высказать свои соображения по вопросу об организации Центрального Литературного Музея в Москве и о передаче ему всех значительных местных фондов.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О КАПИТАЛИЗМЕ, КРЕПОСТНОМ СТРОЕ, САМОДЕРЖАВИИ И РЕВОЛЮЦИИ

ЗАПРЕЩЕННЫЕ ЦЕНЗУРОЙ ТЕКСТЫ ИЗ РАБОТ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ТЮРГО», «РУССКИЙ РЕФОРМАТОР», «СУЕВЕРИЕ И ПРАВИЛА ЛОГИКИ», «НЫНЕШНИЕ АНГЛИЙСКИЕ ВИГИ» И НОВЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ¹

Ленин в своей работе «Гонители земства и аннибалы либерализма» говорит о «могучей проповеди Чернышевского, умевшего подцензурными статьями воспитать настоящих революционеров»². Действительно, под бдительным оком царской цензуры путем умелого «эзоповского языка», тонко подобранного контекста цитат и критических замечаний Чернышевский через голову цензора говорил с читателем-революционером и воспитывал революционера в читателе. Друг-читатель понимал Чернышевского, цензор же попадал в тупик внешне «благонамеренных» и чрезвычайно «почтительных» к правительству фраз, за которыми с убийственной иронией звучали разоблачения существовавшего строя.

К сожалению не весь этот тончайшим образом препарированный Чернышевским текст дошел до друга-читателя. Тяжесть правительственных репрессий и тактика революционера-конспиратора заставляли подчас Чернышевского поступаться рядом приготовленных им текстов, ряд других текстов вычеркивался цензурой.

Статья Чернышевского «Тюрго» написана в эпоху революционной ситуации кануна реформы — в 1858 г., вторая — в самый год реформы — в 1861 г. Обе статьи сохранились в рукописях, находящихся в Доме-музее им. Чернышевского в Саратове³; для статьи «Тюрго» сохранилась также цензорская корректура. Сравнение этих документов с текстом Полного собрания сочинений устанавливает значительные купюры.

Купюры статьи «Тюрго» касаются крепостного строя на его переломе и назревающей крестьянской реформы, о которой было запрещено писать. Революционная ситуация становилась все напряженнее. В секретном политическом обозрении за 1857 г. значилось: «Из всех предметов, наиболее занимающих теперь Россию, самым важным является предположенное освобождение помещичьих крестьян. Служи об изменении их быта, начавшиеся тому около трех лет, распространились по всей империи и привели в напряженное состояние как помещиков, так и крепостных людей, для которых дело это составляет жизненный вопрос. Большинство дворян думает, что наш крестьянин слишком еще необразован, дабы понимать гражданское право; что он на полной свободе — лютеся зверя, что волнения, грабежи и убийства будут почти неизбежны и что во многих губерниях, особенно приволжских, памятно еще страшное время пугачевщины»⁴.

¹ Полный текст рукописей Н. Г. Чернышевского «Тюрго» и «Русский реформатор» был получен Коммунистической Академией из Дома-музея им. Н. Г. Чернышевского (Саратов). Имеющиеся в них цензурные купюры оставались неопубликованными до сих пор. Публикуя их в настоящей статье, сообщаем, что текст сверен с подлинной рукописью Н. М. Чернышевской-Быстровой. Ею же были отмечены места, вычеркнутые в цензорской корректуре. Остальные купюры воспроизведены с цензорских корректур по тщательным копиям, сделанным сыном Н. Г. Чернышевского Мих. Ник. Чернышевским уже после выхода в свет подготовленного им к печати Полного собрания сочинений его отца. Ныне большая папка с этими выписками, сделанными М. Н. Чернышевским, находится в распоряжении редакции «Литературного Наследства».

Происхождение этой папки выясняется следующей записью М. Н. Чернышевского: «Эти статьи были уже отпечатаны в моем издании, когда я получил новые пачки старых цензорских корректур из бумаг Пышина. Согласно этим корректурам и сделаны поправки». Кроме дополнений к статьям «Суеверие и правила логики», «Нынешние английские виги» и «Новые периодические издания» в папке имеются также дополнения к следующим статьям: «Борьба партий во Франции» (статья 1858 г., перепечатанная в четвертом томе собрания сочинений), «Июльская монархия» (1860 г. — в шестом томе), «Предисловие к нынешним австрийским делам» (1861 г. — в восьмом томе), «Национальная бестактность» (1862 г. — в восьмом томе, см. публикацию ниже), «О росписи государственных доходов и расходов» (1862 г. — в девятом томе), а также тетрадь с выписками нецензурных мест в статье «Политика. Февраль 1862 г.» (в девятом томе). Дополнения к последней статье были восстановлены по «Сборнику статей, недовольных цензурой в 1862 г.» (т. I, стр. 424—443). Из этого же сборника (стр. 79—103) М. Н. выписал статью «Свобода слова и ее ограничение», к которой приписал: «Статья по всей вероятности принадлежит Н. Г. Чернышевскому». К этой статье, требующей особых розысканий, мы вернемся в ближайшее время. И наконец в этой же папке имеются «Воспоминания о Н. Г. Чернышевском» Е. Белова.

² Ленин, Сочинения, т. IV, стр. 126. Подчеркнуто Лениным.

³ «Тюрго» — рукопись № 1744, цензорская корректура — № 1863, «Русский реформатор» («Жизнь графа Сперанского», соч. барона Корфа, т. II, 1861) — рукопись № 1789.

⁴ Крестьянское движение 1827—1869 гг. Вып. 1-й, М., Соцэкгиз, 1931, стр. 142.

В этой обстановке Чернышевский давал уничтожающую критику эксплуататорского крепостнического строя на переломе к капитализму под ловко выбранной формой разбора сочинений С. Муравьева «Тюрго, его ученая и административная деятельность или начало преобразования во Франции XVIII в. М., 1858». Тема предреволюционной Франции давала ряд ярких аналогий с предреформенной крепостной Россией. Все замечания шли под видом передачи положений автора книги или самого Тюрго. Под скромным видом критики школы Сэя (Сэ в транскрипции Чернышевского) шла проповедь социализма и резкое осуждение капитализма — строя, основанного «на владычестве золота»¹.

...напрасно так презрительно ютзывается о меркантилистах школа Сэ, когда сама еще по уши сидит в меркантилизме; [нам приятно было бы также доказать, что похвалы и порицания, которыми награждает она физиократов и меркантилистов, хороши были для публики и все могут быть обращены в порицание ей самой, что, например, если заслуживают одобрение физиократы за верное понимание недостатков и потребностей своего времени, то вовсе не заслуживают одобрения экономисты в 1858 году, ограничивающиеся пониманием тех потребностей общества, какие были в 1776 году; что если достойны порицания меркантилисты, признававшие золото богатством по преимуществу, то нельзя восхищаться учеными, признающими удовлетворительность экономического порядка, основанного на владычестве золота. Эти и тому подобные темы представляются нам очень заманчивыми, но мы отлагаем их развитие до другого раза, а теперь займемся одним Тюрго.] (Вставка к стр. 221, т. IV Полного собр. соч. Чернышевского, 1906 г.)².

Мысль Тюрго о «праве искать работу» для пролетария давала Чернышевскому повод для бичующего обличения эксплуататорского строя. Это место в цензурской корректуре вычеркнуто красными чернилами.

...Словом, он допускал право искать работы, а не право иметь ее — различие существенное, до сих пор еще не вполне понятое.

[Какая польза была, если говорили пролетарию: «Ты имеешь право работать», когда он отвечал: «Как же я воспользуюсь этим правом? Я не могу обрабатывать землю для себя, — родившись, я нахожу ее уже занятою. Я не могу заняться ни охотою, ни рыбной ловлею — это привилегия владельца. Я не могу собирать плодов, возвращаемых богом на пути людей, — эти плоды поступили в собственность, как и земля. Я не могу ни срубить дерева, ни добыть железа, которые необходимы для моей работы; по условию, в котором я не участвовал, эти богатства, созданные, как я думаю, природой для всех, разделены и стали имуществом нескольких людей. Я не могу работать иначе, как по условиям, возлагаемым на меня теми, которые владеют средствами для труда. Если, пользуясь так называемой у нас свободой договоров, эти условия чрезмерно суровы; если требуют, чтобы я продал и тело, и душу; если ничто не защищает меня от несчастного моего положения; или если, не имея во мне надобности, люди, дающие работу, оттолкнули меня — что будет со мной? Найдется ли у меня сила восхищаться тем, что у вас называется уничтожением произвольных стеснений, сделанных людьми, когда я безуспешно борюсь с условиями жизни? Буду ли я свободен, когда подвергнусь я рабству голода? Право работать будет ли казаться мне драгоценно, когда мне придется умирать от беспомощности и отчаяния при всем моем праве?»] (К стр. 288, т. IV).

Под предлогом передачи взглядов Неккера Чернышевский писал:

«Он изобличил лживость пышных фраз о свободе, которыми усыпля- ют страдания обманутой массы».

¹ Текст купюры, отсутствующий в Полном собрании сочинений, всюду обозначается квадратными скобками.

² В дальнейшем все ссылки даются по этому изданию, ограничиваясь лишь указанием тома и страниц.

Эта фраза конечно говорила о подготавливавшейся «свободе» крестьян. Цензор догадался и подчеркнутое нами выше слово «усыпляют» переправил на «усыпали», чтобы снять с фразы ее политический, злободневный смысл и превратить в чисто «историческую» справку о прошлом.

Под предлогом передачи взглядов того же Неккера Чернышевский вел агитацию за радикальное решение аграрного вопроса. В этом не смог бы усумниться друг-читатель, если бы прочел следующие строки, вычеркнутые цензором:

Неккер восходил к основным началам общественного устройства и подвергал их анализу, равно возвышенному и смелому.

[Тот, кто вначале поставил несколько столбиков вокруг участка и бросил в него посев, неужели на этом одном основании мог получить исключительную привилегию на эту землю для своих потомков до конца веков? Нет, отвечал Неккер: «такое преимущество не могло принадлежать этой малой заслуге». Право собственности, по мнению Неккера, было основано на предположении своей полезности для общества; у тех, которые отваживались выставлять основанием своего права только самое это право, он спрашивал: «Скажите, разве ваша купчая крепость записана на небесах? Или вы принесли вашу землю с соседней планеты? Или есть у вас какая-нибудь сила, кроме той, которую дает вам общество?»]

Не менее справедливо Неккер определял свободу. Он не удивлялся, что в тогдашнюю эпоху для людей, натерпевшихся долгого угнетения, одно слово «свобода» было уже очарованием, и слово «запрещение» отзывалось в их душе, как звук еще несломанной цепи; но от его взгляда не ускользнуло, что среди всеобщей борьбы, при неравенстве оружия, свобода служит только маской угнетения. Неужели во имя свободы можно позволить сильному человеку приобретать выгоды на счет слабого? А по выражению Неккера «сильный человек в обществе — это собственник; слабый человек — человек без собственности».

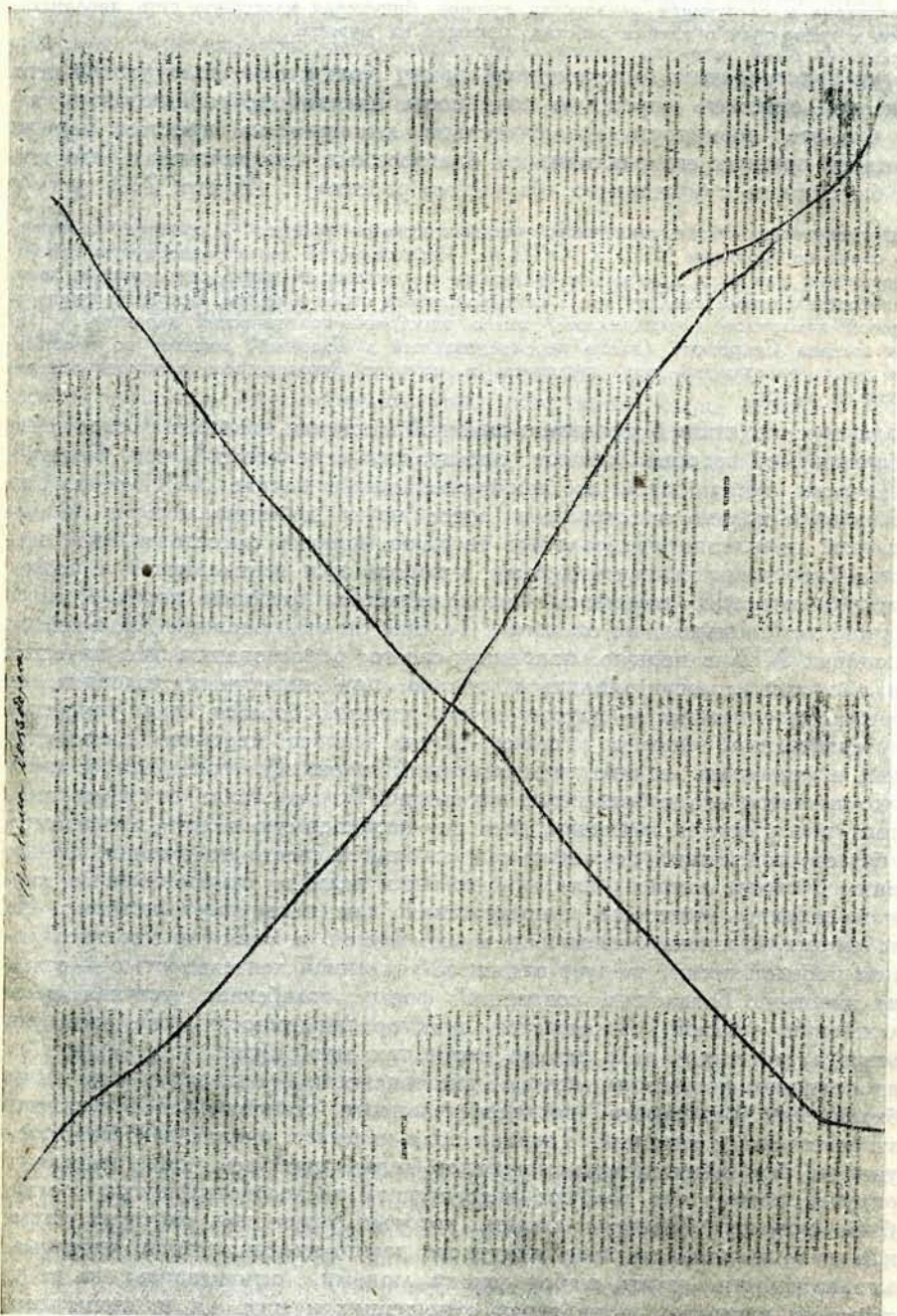
И чтобы лучше показать, к каким несообразностям может приводить идея права, когда смысл ее не истолковывается сердцем, он прибегал к поразительной гипотезе. Он предполагал, что некоторое число людей нашли себе средства присвоить себе воздух, как другие присвоили себе землю; потом он представлял, что они изобретают трубы и воздушные насосы, посредством которых могут сгустить или разредить воздух в данном месте: неужели этим людям позволили бы произвольно распоряжаться дыханием человеческого рода? (К стр. 231, т. IV).

Та же агитация продолжается в следующей купюре под прикрытием критики. Неккером положения физиократов, гласящего, что дороговизна съестных припасов якобы выгодна для трудящихся. Чернышевский пишет:

Неккер энергически опровергал этот опасный софизм. Хлеб поднимается в цене ныне, а через два, через три месяца увеличивается моя заработная плата. В ожидании этого, неужели мне должно умирать с голоду? [Неккер восклицал:

«Спросите у этого наемного работника, плату которого стараются по возможности понизить, желает ли он дороговизны съестных припасов? Если бы они умели читать, они были бы очень изумлены, узнав, что от их имени требуют дороговизны»¹. Книга кончалась следующими словами: можно сказать, что небольшое число людей, разделив между собой землю, составили законы для обеспечения своих участков против массы людей, вроде того, как поставлены загородки в лесах против диких зверей. Установлены законы, ограждающие собственность, правосудие и свободу, но почти еще ничего не сделано для самого многочисленного класса граждан. Какая нам польза от ваших законов о собственности, могут сказать они —

¹ Взятое в квадратные скобки отсутствует в Полном собрании сочинений, цензором же вычеркнуто в корректуре текст со слов «книга кончалась». — Ред.

КОРРЕКТУРА «ПИСЕМ БЕЗ АДРЕСА», ПЕРЕЧЕРКНУТАЯ НАКРЕСТ ЦЕНЗОРОМ
 О оригинала, хранящегося в Доме им. Чернышевского в Саратове

мы ничего не имеем; от ваших законов о правосудии? — нам не о чем вести тяжбу; от ваших законов о свободе? — если мы не будем работать завтра, мы умрем]. (К стр. 231, т. IV).

Характерна и следующая цензорская купюра, бичующая классовую суть дворянских поборов и говорящая о клейме рабства, лежащем на мужике.

Орган аристократии, высокомерный принц Конти, осмелился утверждать, что нельзя заменять дорожную повинность никакой другой податью, потому что эта повинность, исключительно лежащая на простом народе, составляет признак его различия от благородных, [и уничтожить его значило бы снимать с мужицкого лба клеймо рабства]¹. (К стр. 232, т. IV).

Под прикрытием обсуждения чисто «академического» вопроса о разнице политического строя во Франции XVII и XVIII вв. Чернышевский давал развернутую критику самодержавия, для вида прикрытую вставками о «истинно-великих» самодержцах, ловко противопоставленными анализу вреда самодержавного строя в целом. Вскрытие сущности дворцовой камарилы («камариллы») имело заостренно-политический характер: в это время заседал Секретный (затем переименованный в Главный) комитет по крестьянскому делу, работавший под давлением и прямым руководством крупнодворянской придворной знати:

Характер тогдашней правительственной системы известен. Совершенно ошибаются те, которые думают определить ее словами², что Франция XVIII века имела также же правление, как в начале XVII века. Оно существовало только на словах, а вовсе не в действительности. [Самодержавное правление предполагает твердую волю и самостоятельное знакомство с государственными делами в короле или гениальность в первом министре, который, пользуясь непоколебимым доверием короля, может действовать независимо ни от кого. Таковы были Людовик XI, Ришелье и Людовик XIV в первую половину своего царствования. Но качества, нами названные, могут являться только при известных условиях, из которых самое главное — существование упорной борьбы для упорочения правительственной формы. Только тогда человек серьезно занимается делами и развивает в себе мужественный характер, пока вопрос очень близко касается его собственных интересов. Только тогда он ищет гениального помощника и, нашедши, дает ему необходимую власть, когда видит, что без его содействия не может сам сохранить своего положения. Только в таких обстоятельствах являлись истинно великие самодержавные государи и великие министры самодержавия, как показывает история. Но когда форма уплочена, характер дел изменяется, а с ним и характер людей; за победой всегда следует отдых, за усиленной деятельностью — ослабление энергии. Тогда дух, создавший форму, ослабевает, уступая место наслаждению формой, открывается простор наклонностям, не имеющим серьезного значения; дела можно вести так или иначе, уже ничего не теряя в личном положении, которое вне опасности, — они ведутся не в духе необходимости, без строгой последовательности, становятся в зависимость от второстепенных желаний. Твердая воля исчезает, знание дел становится ненужным, без гениальных помощников легко обойтись, они становятся неприятны, потому что требуют энергической последовательности; гораздо удобней кажется верить людям, которые уступчивы, которые готовы идти и туда и сюда, по воле минутного расположения; можно удовлетворять наклонности, делать выбор между людьми, основываясь не на их собственных качествах, а на своих отношениях к ним, на их приятности для нас и наших близких. Словом сказать, начинается эпоха личных от-

¹ В корректуре это место, вычеркнутое цензором, читается так: «и уничтожить его значило бы снимать с мужицкого лба приращенное клеймо рабства».

² В корректуре слова «определить ее словами» вычеркнуты и заменены словами «что Франция», которые тоже зачеркнуты.

ношений и наступает владычество камариллы, которая скоро так опутывает волю, что она лишается своей самостоятельности. Имя остается прежнее, но прежнего духа уже нет]... Камарилла не допускает развития воли! — [она окружает мелочными развлечениями, обольщает житейскими удовольствиями, расстраивает единство характера беспорядочностью, изменчивостью своих советов, вытекающих из личного расчета, а не из убеждений, не допуская образовать ни волю, ни ум, она лишает возможности иметь прочный и отчетливый образ мыслей. Словом, ту личность, около которой вертятся ее мелкие хлопоты, она делает такой же, какова сама — способной только на мелочи, лишенной и знания, и воли во всем серьезном]. (К стр. 236, т. IV).

Через несколько абзацев новая купюра продолжает то же разоблачение самодержавия и «камариллы».

[Но король, бесспорно желавший добра, мог взглянуть на вещи иначе и оттолкнуть камариллу от власти? На каком же основании, по каким причинам? Он воспитан был среди камариллы сообразно с ее правилами и расчетами. Она позаботилась не дать ему хорошего образования; она позаботилась не дозволить ему знакомства ни с кем, кроме своих сочленов. Он не знал государственных дел; он не понимал положения королевства; он приучен был смотреть как на людей опасных или как на людей непрактичных на всех тех, которые не сходились в образе своих понятий с камариллой; если бы он был недоволен советниками своего предшественника, он не знал бы, откуда взять других, кроме как из той же камариллы.

Все это он доказал с самого начала. Вступив на престол, он пожелал иметь человека, на которого мог бы полагаться во всем. Кого избрать таким доверенным лицом, он сам не знал, — так мало занимался он до той поры государственными делами, что ему были даже неизвестны люди со стороны этих занятий, — он знал, кто хорошо, кто дурно танцует, кто хорошо, кто дурно ездит верхом или стреляет из пистолета, фехтует, кто каков по части волокитства, любезности в обществе, кто знаток в гастрономии, кто знаток в лошадях, — но кто знаток в государственных делах, этого ему не случилось узнать; об этом доходили до него такие же темные слухи, как до нас с вами, читатель, о том, какие живописцы или поэты считаются мастерами своего дела в Китае. Слышали мы что-то об этом — но как и что, этого мы хорошенько не припомним, что же ему делать в таком беспомощном положении? Он обратился за советами к тем же членам камариллы — к кому же иначе? Других людей он не знал и не видал.] Ему рекомендовали разных людей, в том числе Машо и Морепа, — он выбрал Морепа — говорят, потому, что приписал ему по ошибке те смутные сведения, какие доходили до него о деятельности Машо. (К стр. 237, т. IV).

Вся программа буржуазной революции (в завуалированной форме) излагалась Чернышевским под видом программы Тюрга в следующем по форме «насмешливом» рассуждении, из которого в силу цензурных соображений ему пришлось выкинуть замечание о конституции:

И если бы вы знали, какие великолепные планы он составил! Это любопытно, — он задумал — извольте-ка послушать:

Он хотел отменить феодальные права; уничтожить привилегии дворянства; пересоздать систему налогов и пошлин; ввести свободу совести; переделать гражданские и уголовные законы; уничтожить большую часть монастырей; ввести свободу тиснения; преобразовать всю систему народного просвещения. [В довершение всего хотел ввести во Франции нечто очень похожее на конституцию.]

Можно ли не посмеяться над простяком?

Разумеется, если бы ему удалось совершить все эти преобразования, не было бы революции. (К стр. 238, т. IV).

Статья Чернышевского «Русский реформатор» написана в другой обстановке — в той, о которой говорилось в знаменитой прокламации «Барским крестьянам»: Только что свершилась реформа 1861 г. Ответить на эту реформу революцией — вот к чему призывал Чернышевский. Читатель прекрасно понимал, что речь идет не о реформе Сперанского, а о только что свершившейся крестьянской реформе. Суть вопроса была ловко завуалирована от цензуры тем обстоятельством, что речь шла не о реформе Сперанского самой по себе, а якобы о книге мракобеса барона Корфа «Жизнь графа Сперанского» в двух томах... Характерны также двусмысленные, «почтительнейшие» — а по сути дела глубоко иронические — начальные строки статьи, отсутствующие в Полном собрании сочинений:

[Книга барона Корфа принадлежит к числу тех, оценки которых нельзя от нас требовать. Мы можем только изложить ее содержание.]

Основной, внешний — для цензуры — «смысл» статьи «Русский реформатор» можно передать так: «реформы Сперанского были неудачной выдумкой, кончившейся крахом». Друг-читатель понимал: «реформы вообще — и в частности только что прошедшая — сплошной обман. Воля любого отдельного человека в социальном преобразовании — ничто (пример — Сперанский), как бы далеко ни простирались его смелые преобразовательные планы. Необходимо массовое движение, необходима революция, чтобы по настоящему преобразовать общественный строй».

О революции говорит уже первая из значительных по смыслу купюр статьи, — самое понятие революции дано в умелом шифре хронологического сопоставления, — речь идет о «людях Франции, предшествовавших Наполеону».

Сперанскому, как мы видим, казалось, по выражению барона Корфа, что «у нас все надобно переделать», и, по словам барона Корфа, «наступила эпоха смелой ломки всего существовавшего». По свидетельству барона Корфа, «любимым тогдашним его выражением» были слова, обозначающие, что он замышляет коренные реформы [и слова эти очень сходны с выражениями, какими изобилуют речи государственных людей Франции, предшествовавших Наполеону.] Сперанский желал, как мы видим из этих слов, изменять не одни второстепенные подробности и не одни внешние формы прежнего государственного быта, а и некоторые существенные черты его, и считал нужным действовать как можно быстрее. (К стр. 300, т. VIII).

Оценка «реформы», а в особенности «реформ», исходящих от представителя государственной власти, давалась в такой купюре:

Смешно называть Сперанского революционером по размеру средств, какими он думал пользоваться для исполнения своих проектов. Он был русский сановник, и, конечно, никогда не приходила ему в голову мысль прибегнуть к замыслам или мерам, несогласным с законными приемами или обязанностями его официального положения. [В этой двойственности заключалось непримиримое противоречие, не дававшее Сперанскому сделать ничего и очень скоро низвергнувшее его.] В нашей статье были и будут страницы, которые иной назовет панегириком Сперанскому. Но [чтобы видно было, как далеки мы от восхищения его реформаторскою деятельностью, мы прямо скажем, что она жалка, а сам он странен или даже нелеп.] Мы будем иметь случай представить из книги барона Корфа пояснение такому взгляду. (К стр. 301, т. VIII).

Детальный и убийственный разбор того, почему нельзя верить «реформе», исходящей от правительства, дан в большой купюре, трактовавшей этот вопрос под видом разбора причин падения Сперанского:

[Барон Корф нашел неудобным называть те два лица, которые заметнее всех других выказались в интриге против Сперанского. Действительно, нельзя оправдывать коварный способ действий этих лиц. Но не следует приписывать падение Сперанского исключительно влиянию интриги. В глубине дела находились отношения другого рода.

Мы видели, что в Сперанском разочаровались очень многие люди, сначала возлагавшие на него надежду. Почему не допустить, что точно так же мог разочароваться в нем и сам государь? Сперанский в письме из Перми

напоминает императору, что он составлял план общего преобразования по собственной мысли государя. Конечно — так. Но отвлеченная мысль, неопределенное стремление и подробный, систематический проект — вещи совершенно различные. Сочувствуя одной, можно почувствовать неудобство другой. Надобно сказать и то: думать о реформе, только как об отдаленной возможности, отсрочивающейся до неопределенного будущего, и увидеть близость ее — опять-таки вещи совершенно различные. Из слов барона Корфа надобно выводить, что император Александр Павлович думал об общей реформе государственных учреждений с первых лет своего царствования и продолжал думать о том же в течение долгих лет, по удалении Сперанского; быть может, не покидала его эта дума и в то время, когда Сперанский возвратился в Петербург. Почему же не осуществился предмет столь продолжительных размышлений государя? Ответ на это можно найти только один: конечно, государь находил какие-нибудь очень важные неудобства, которыми удерживался от осуществления своей мысли. А Сперанский, как мы знаем из слов барона Корфа, спешил, пренебрегал всякими затруднениями. Эта горячность могла пробудить в императоре сомнение относительно образа мыслей государственного секретаря. При таком взгляде на их отношения сами собою объясняются два обстоятельства, которые иначе непонятны. Какова бы ни казалась императору степень вероятности обвинений против Сперанского в то время, когда решено было удалить его, но впоследствии времени император, без сомнения, убедился в неосновательности мнения, будто бы Сперанский изменял отечеству и продавал государственные тайны Наполеону. Слова самого императора и многие другие обстоятельства положительно доказывают, что Сперанский совершенно очистился в мыслях государя от подозрения в измене. Но мы видим, что государь не спешил возвратить в Петербург бывшего своего любимца, видим, что и по возвращении в Петербург Сперанский не получил никакого влияния на общий ход государственных дел. Эти факты показывают, что император Александр Павлович уже не считал удобным вновь обращаться к содействию Сперанского в своих политических планах. А между тем Сперанский сохранял не только во мнении государя, который ближе всех других людей знал его способности, но и во мнении всех своих современников репутацию человека необыкновенных дарований, человека, с которым никто не мог равняться способностью быстро и легко исполнять труднейшие задачи. Если император не почел удобным вновь пользоваться его талантами, то, конечно, лишь по глубокому убеждению в неодинаковости стремлений Сперанского с его собственными.

Только тем же самым объяснением разрешается и затруднительный вопрос о том, как император мог, хотя на короткое время, усумниться в верности Сперанского. Продавать Россию французам, — это было бы слишком странно в положении Сперанского. Не говорим о том, что для измены родине нужна чрезвычайная низость души и что император Александр Павлович знал Сперанского за человека, не имеющего такой черты в характере. Но какой расчет мог быть Сперанскому в измене? Он был, после государя, сильнейший человек в империи; если нужны были ему почести, они сыпались на него с беспримерною быстротою. Если бы он способен был на дурные поступки из-за денег, он мог получать бесчисленные миллионы через обыкновенные злоупотребления своею властью, получать их путями гораздо более безопасными, чем измена. Наполеон, если бы даже завоевал Россию, никогда не мог дать Сперанскому такого могущества, какое он уже имел. Император Александр Павлович знал все это. Каким же образом мог он поверить обвинению в измене? Поверить ему мог он только в том случае, если уже и сам считал Сперанского человеком опасным, если сам собою утвердился в таком взгляде на него до обвинения его другими в измене.

Да, единственное правдоподобное объяснение катастрофы заключается в том, что сам Сперанский обнаружился перед императором, как человек вредного образа мыслей. Только тогда, когда сам император личными опытами приведен был к мысли о Сперанском, как о лице, стремящемся к вредному, только тогда и мог он внять внушениям других о его предательстве. И эти посторонние внушения послужили только поводом к событию, а главной действующею силою должно было служить тут созревшее в душе самого государя убеждение о необходимости устранить Сперанского от влияния на дела. И скажем прямо: император Александр Павлович не ошибался в этом убеждении]. (К стр. 310, т. VIII).

Заключительная купюра статьи прямо признает таких людей, как Сперанский, вредными и для общества; читатель понимал: вредными потому, что они лишь отдаляют решительную, окончательную революционную развязку своими «реформами».

[они вредны бывают] обществу, когда обольщаются в серьезных делах. В своей восторженной хлопотливости на ложном пути они как будто добиваются некоторого успеха и тем сбивают с толку многих, заимствующих из этого мнимого успеха мысль идти тем же ложным путем, [не приводящим ни к чему, кроме фантазмагорий. С этой стороны деятельность Сперанского надобно назвать вредной. Своим ошибочным увлечением он увлекает многих к такой же напрасной трате сил на употребление средств, не соответствующих делу. Своими работами он придавал нескольким годам нашей истории фальшивый оттенок; есть люди, принимающие его деятельность за доказательство существования мыслей о серьезных преобразованиях, тогда как на самом деле его работы назначались служить только праздной теоретическою игрою и были прекращены при первом поползновении к реальному значению].

Читатель видит, что мы столь же строги к Сперанскому, как и сам барон Корф, и главный упрек Сперанскому от нас тот же самый, какой делается ему бароном Корфом: Сперанский был увлекающийся мечтатель. Нам очень приятно, что мы могли сойтись в этом выводе [с биографом замечательнейшего из государственных сановников, думавших произвести существенные преобразования.]

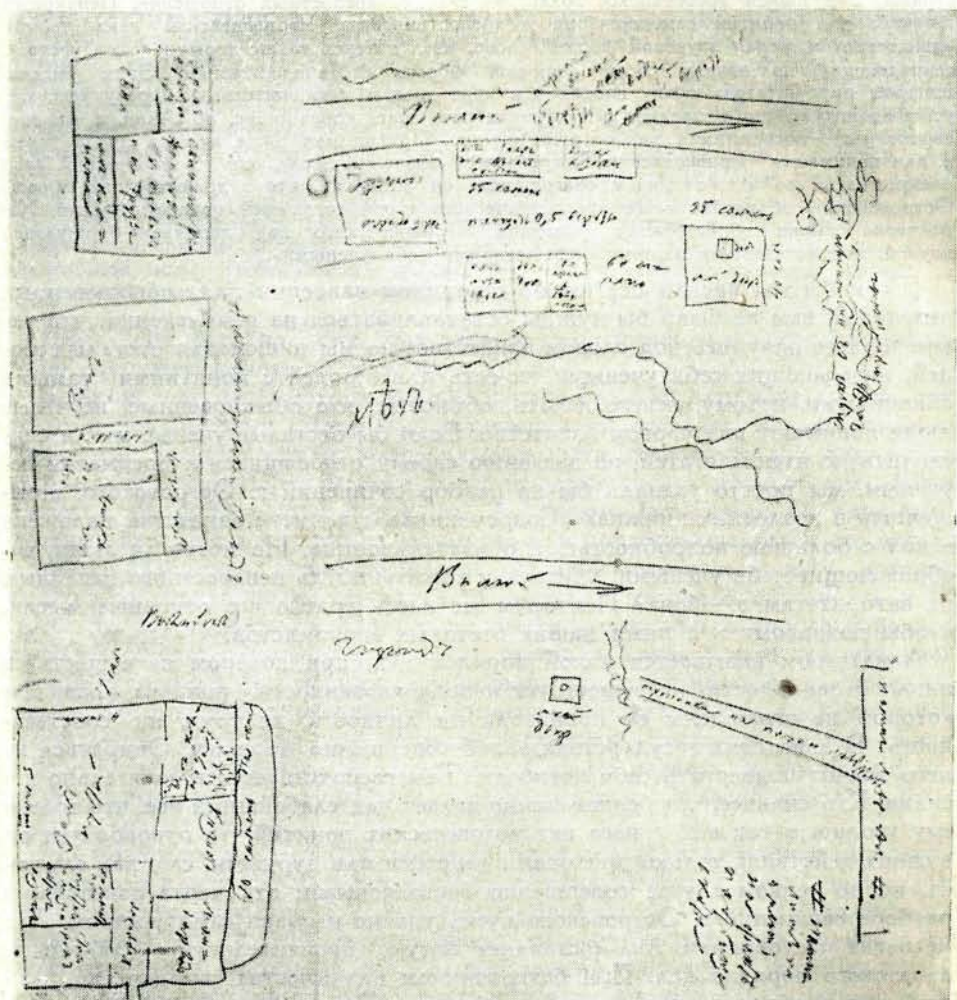
Статьи «Тюрга» и «Русский реформатор» имеют еще ряд купюр, не приведенных нами, — мы привели лишь значительнейшие по содержанию.

Следующая группа купюр относится к знаменитой статье Чернышевского «Суеверие и правила логики», написанной в 1859 г., опять-таки в эпоху кануна реформы и напярженной революционной ситуации. Статья эта входила в группу работ Чернышевского, посвященных общинному землевладению. В этой обстановке первая цензурская купюра статьи, посвященная «лености» «простолюдию», имела ясный политический смысл: Чернышевский в прикрытой форме подводил читателя к мысли, что факт плохой производительности труда крепостного мужика зависел от социальных условий, от гнета барской эксплуатации, а отнюдь не от какой-то прирожденной «лености».

[Апатия у нас изумительная; она так поразительна, что многие называют нас народом ленивым. Мы не знаем, существуют ли на свете ленивые народы. Психология говорит, что страсть к деятельности врождена человеку, а физиология объясняет и доказывает это, говоря, что наши мускулы имеют физическую потребность работать, подобно тому, как желудок имеет потребность переваривать пищу, нервы — потребность испытывать впечатления, глаза — потребность смотреть, и т. п. Оставляя в стороне этот общий принцип органической жизни, по которому каждая часть нашего организма требует соответственной своему характеру деятельности, мы заметим только, что в нашем климате лень никак не может находить себе места, если б и могла принадлежать каким-нибудь другим племенам, живущим под полюсами или под тропиками. Смешно говорить о склонности к лени в человеке, который в пять или шесть месяцев должен запастись средствами к жизни на целый год; но, между тем, не подлежит сомнению, что мы работаем хуже, нежели, например, англичане и немцы]. (К стр. 556, т. IV).

Еще ярче выражена и развита дальше эта мысль в следующей купюре той же статьи:

[Как вы хотите, чтобы оказывал энергию в производстве человек, который приучен не оказывать энергию в защите своей личности от притеснений. Привычка не может быть ограничиваема какими-нибудь частными сферами: она охватывает все стороны жизни. Нельзя выдрессировать чело-

ПЛАН ПОМЕЩЕНИЙ, ЗАНИМАВШИХСЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИМ НА АЛЕКСАНДРОВСКОМ ЗАВОДЕ И В ВИЛЮЙСКЕ, СОБСТВЕННОРУЧНО ИМ РИСОВАННЫЙ

О подлинника, хранящегося в Доме им. Чернышевского в Саратове

века так, чтобы он умел, например, быть энергическим на ниве и безответным в приказной избе тем, чтобы почесывать себе затылок и переминаться с ногу на ногу. Он будет таким же вахлаком и за сохою. Впрочем, об этом предмете можно было бы наговорить слишком много, если бы в самом деле нуждалась в доказательствах мысль, что энергия в русском человеке подавлена обстоятельствами, сделавшими из него какого-то аскета. Возвратимся лучше к той более отрадной стороне его жизни, которая показывает, что по природе своей он вовсе не предназначен быть апатичным. Когда про-

буждается в нем усердие к делу, он обнаруживает чрезвычайно замечательную неутомимость и живость к работе. Но для этого бывает нужно ему увидеть себя самостоятельным, почувствовать себя освобожденным от стеснений и опеки, которыми вообще он бывает подавлен]. (К стр. 556, т. IV).

Третья купюра той же статьи еще более значительна. Она развивает ту же мысль о мертвящем гнете самодержавия, задерживающем развитие производительных сил страны, о душашей крестьянское хозяйство системе крепостных отношений. Цензурным шифром для понятий самодержавия и крепостничества Чернышевский взял термин «азиатство» и, играя звуковой формой слова, ввел в текст также термин «самодурство», совпадающий по началу своей звуковой формы с самодержавием. Этим умелым шифром друг-читатель сразу вводился в курс дела и заключительную фразу текста, — утверждающую, что в предыдущих строках речь шла, конечно же, об Азии, а мы-де-европейцы, — воспринимал как острую иронию. Приводимая ниже купюра ценна также и для понимания Чернышевским Островского. Значение последнего Чернышевский ярко раскрывал в его классовом содержании: он объяснял, что художественные образы Островского — обличение всего крепостнического строя тогдашней царской России. Характерна также убийственная насмешка Чернышевского над дворянско-буржуазной наукой, над «отсталыми людьми, называющими себя учеными».

[Если бы мы писали статью об общинном владении для обыкновенных читателей, нам не было бы нужды останавливаться на разъяснении, что такое должно разуметь под словом азиатство; но мы пишем для отсталых людей, называющих себя учеными, то-есть для людей с понятиями самыми сбивчивыми, потому, нечего делать, объясним, что обыкновенные, неученые люди понимают под словом азиатство. Если бы отсталые ученые могли снисходить до чтения статей, по заглавию своему относящихся к предметам неученым, мы просто указали бы на разбор сочинений г. Островского, помещенный в последних книжках «Современника»: понятие азиатства изложено в них с большою подробностью и обязательностью. Но могут ли люди, воображающие себя учеными, учиться у какого-нибудь неизвестного западным их авторитетам г.—бова? Повторим же здесь кратко его основные мысли, чтобы познакомить с ними наших отсталых экономистов.

Азиатством называется такой порядок дел, при котором не существует никакой законности, не существует неприкосновенности никаких прав, при котором не ограждены от произвола ни личность, ни труд, ни собственность. В азиатских государствах закон совершенно бессилен. Опирайтесь на него значит подвергать себя гибели. Там господствует исключительно насилие. Кто сильнее, тот безнаказанно делает над слабейшими все, что только ему угодно, а так как у него нет человеческих понятий, то руководится он в своих действиях только прихотями добрыми или дурными. Это как случится, но во всяком случае совершенно бестолковыми; эта черта азиатства в разборе сочинений г. Островского очень удачно названа самодурством. Для человека постороннего она составляет самую поразительную особенность азиатского порядка дел. При безграничном владычестве самодурства, каждый азиатец в сношениях своих с более сильным человеком руководится исключительно мыслью угождать ему. Угодливость, уступчивость, раболепство — это единственный способ не быть раздавленным от руки сильнейшего. Мы часто обвиняем азиатцев за их раболепство; но что же им делать, когда закон у них, как мы сказали, бессилен? Водворите у них законность, и вы увидите, что они сделаются такими же людьми, как мы, европейцы]. (К стр. 559, т. IV).

Цензура вычеркнула конечно и приводимые ниже несколько строк с характеристикой царствовавшего в России административного произвола. По мнению Чернышевского вопрос должен быть ясен даже для «отсталых экономистов».

[Мы полагаем, что даже и они, подобно нам, скажут: наша администрация до сих пор не была способна удовлетворительным образом ограждать личность и собственность наших сограждан; от судебной власти до сих пор

нельзя было у нас обиженному ожидать быстрого восстановления своих нарушенных прав. Этого довольно для нашей цели]. (К стр. 562, т. IV).

К той же странице статьи «Суеверие и правила логики» относится огромная цензурная купюра, дающая убийственный анализ истинных причин «народной бедности» и отчетливо формулирующая основную причину этой бедности как систему самодержавного правления. Самодержавный строй конечно не назван прямо, а полускрыт за безобидными и довольно туманными с первого взгляда терминами «состояние нашей администрации», «управление» и пр. Со всей силой подчеркивает Чернышевский важную и часто встречающуюся у него мысль: дело не в лицах, не в нравственных качествах того или другого отдельно взятого чиновника, а в системе, во всей политической организации самодержавного строя, взятого в целом: этот строй приводит даже в узком личном смысле «честного» человека к необходимости превращаться во взяточника и притеснителя трудящихся. Отсюда — логический вывод, делавшийся другим читателем: бороться надо со всем строем в целом, а не с отдельными его представителями. Следующая ниже купюра — один из наиболее ярких образов политических разоблачений Чернышевского, — именно такие подцензурные тексты играли ведущую роль в воспитании «подлинного революционера», о котором говорит Ленин (см. цитату, приведенную в начале публикации). Как видим, в статье Чернышевского «Суеверие и правила логики» сделана не одна купюра, но достаточно было бы одной, приводимой ниже, чтобы сказать: до сих пор мы не знали настоящей статьи Чернышевского, а знали лишь ее остатки, изуродованные царской цензурой.

[Весь наш быт во всем, что есть в нем печального, обуславливается этой основною причиною всех зол]

В самом деле, пересмотрим все недостатки его, для всех найдем одну и ту же главную причину. Начнем с экономической стороны. Все неудовлетворительные явления нашего материального быта подводятся под одно общее выражение: «наш народ беден». Если мы сознались в этом общем факте, кажется, не подлежащем спору, мы не станем удивляться ни одному из частных явлений, входящих в состав его или представляющихся его последствиями. Например, может ли быстро увеличиваться население, у которого бедностью отнята возможность вести жизнь в здоровой обстановке и потреблять хорошую пищу? Могут ли быстро развиваться города у бедного народа? Может ли у него процветать торговля, когда у него нет обильного запаса продуктов для обширной торговли, или промышленность, когда ему не на что покупать произведений промышленности? Могут ли у него быть достаточные оборотные капиталы в земледелии, когда он вообще терпит чрезвычайный недостаток в капиталах? Словом сказать, в чем бы ни увидели мы недостаток, мы уже вперед сказали о нем, когда произнесли общую фразу: «народ беден».

Но может ли выйти из бедности народ, у которого администрация дурна и судебная власть не исполняет своего предназначения? Разве не каждому известно, что народное благосостояние развивается только трудолюбием и бережливостью? А эти качества могут ли существовать при дурной администрации, при плохом суде? Человек может работать с усердием только тогда, когда никто не помешает его труду и не отнимет у него плодов труда. Этой уверенности нет у человека, живущего в стране, где администрация дурна и суд бессилен или несправедлив. Бережливым можешь быть только при уверенности, что бережешь для себя и своей семьи, а не для какого-нибудь хищника. Если этой уверенности нет, человек спешит поскорее растратить — хотя бы на водку — те скудные деньги, которые успеет приобрести. Распространяться здесь об этом вновь едва ли нужно, потому что много раз уже говорил об этом «Современник». Приведем только небольшой отрывок из статьи, которая по нашему мнению довольно верно указывает причину зла.

«Кто говорит: «бедность народа», тот говорит: «дурное управление». Это единственный источник народной бедности. Но что такое дурное управление? Зависит ли оно от лиц? Нет, каждый видел на опыте, что при самых благонамеренных начальниках порядок дел оставался точно таков, ка-

ков он был при самых дурных. Мы жили в провинции, губернатором которой был человек честнейший, редкого ума и чрезвычайно хорошо знавший дело¹. Каждый житель того края скажет вам, что при нем делалось то же самое, что и до него. Должности продавались с формального торга. Суда и управы не было; грабительство было повсеместное; оно владычествовало в канцелярии губернатора, в губернском правлении, по всем ведомствам и инстанциям. Теперь мы нашли там начальником одного из частных управлений, человека также безукоризненной честности и большого ума². Но когда, проезжая по провинции, мы спрашивали поселян его управления, меньше ли берут с них взяток, чем прежде при отъявленных взяточниках или глупцах, они отвечали, что берут с них столько же, как и прежде. Мы поручимся, что и в соседней, также поволжской, губернии, где губернатором теперь человек известной честности, дельности и ума, делается то же самое, что делалось прежде; поручимся, что не исправилась администрация и в Р. губернии, где вице-губернатором один из наших благороднейших писателей, характер которого достоин его прекрасных произведений. Итак, не личные качества людей причину дурного управления. Или виновны в нем понятия народа, будто не сознающего всей гнусности гнусных дел? О, нет. Послушайте, как говорят о чиновниках люди всех других сословий: помещики, купцы, духовенство, мещане, крестьяне. Все, кроме берущих взятки, рассуждают о дурном управлении с теми чувствами, которых оно заслуживает. Или дурное управление зависит от привычек? Но нет, мы видим, что самые отъявленные взяточники на казенной службе бывают честными людьми, как помещики и хозяева промышленных заведений. И притом, что значила бы привычка какой-нибудь горсти людей, действия которых осуждаются всем остальным обществом? Эти люди быстро исправились бы или бы уступили место людям другого образа действий, если бы на их местах возможно было действовать другим образом. И послушайте самых дурных чиновников: редкий из них доволен своим служебным поведением. Напротив, почти все скажут вам, что хотели бы действовать иначе, отправлять свои обязанности честно, и если не делают этого, то лишь потому, что это невозможно. Да, они правы: действительно они не могут отправлять своих должностей иначе. Мы не говорим о недостаточности жалования, потому что действуют незаконно и те чиновники, которые получают достаточное жалование; недостаточность жалования служит причиной только мелкого, можно сказать, невинного и безвредного взяточничества маленьких чиновников. Какой-нибудь бедняга пищик или помощник столоначальника гражданской палаты берет с вас полтинник за то, что сделает для вас справку — тут нет еще большой беды. Дело не в этом взяточничестве. Нет, вопрос в том, почему дела у нас вообще ведутся незаконно, с получением или без получения взяток, все равно. Если, например, я имею чин коллежского советника (это уже важный чин в провинции), я могу безнаказанно прибить мещанина, и меня оправдают, не взяв с меня никакой взятки. Зато, если обидит меня генерал (каждый генерал в провинции важнее, чем в столице генерал-адъютант или действительный тайный советник), его также оправдают, не взяв с него никакой взятки, и от меня не захотят взять даже огромной взятки, чтобы обвинить его. Только в тех случаях дело решается взяткою, когда обе стороны почти равны по общественному положению. Это случаи довольно редкие. Итак, вовсе не о взятках должна быть речь: речь должна быть о том, что вообще у нас дела ведутся незаконно; то, что беззаконие доставляет доход чиновнику, есть уже только послед-

¹ Мы говорим о г. К., бывшем саратовском губернаторе. (Примеч. Н. Г. Чернышевского.)

² Мы говорим о г. М., управляющем удельною конторою. (Примеч. Н. Г. Чернышевского.)

ГРАЖДАНСКАЯ КАЗНЬ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Чтение приговора и лишение дворянства (19 мая 1864 г.)

О рисунка, хранящегося в Государственном Музее Революции СССР

ствие системы, а не причины ее. Истинные причины незаконности — безответственность и беззащитность чиновников. Чиновник наш подлежит одному только контролю — контролю начальства; ни общество, ни товарищи, ни подчиненные не могут ничего сделать с ним, если только начальство довольно им; зато ни общество, ни товарищи, ни подчиненные не могут спасти его, если начальство им недовольно. Он безответственен пред всем и всеми на свете, кроме начальства; зато перед начальством беззащитен. Лишенный всякой независимости относительно начальства, он может держаться на службе только тем, чтобы угождать ему. Теперь представим себе такой случай. У начальника есть брат, который имеет тяжбу с человеком маленьким. Начальнику нет времени и охоты вникать в запутанные подробности дела, да если он станет вникать, все дело поневоле представляется ему в свете более благоприятном для его брата, нежели как может представляться постороннему человеку. Дело производится, положим, в уездном суде. Если маленькие чиновники чисты и секретарь уездного суда не произведет его, как считает справедливым пристрастный по родству глаз начальника, они навлекут на себя его неудовольствие. То же, что о брате начальника, надобно сказать о других его родных и о его друзьях, и о его знакомых, и о знакомых его друзей и родственников. Что же будет, если во второй, в третий, в десятый раз члены уездного начальства навлекут на себя неудовольствие начальника? Они беззащитны, они вполне зависят от него. Каким же образом могут они занимать свои места, если часто не нарушают закона для того, чтобы их решения совпадали с предубежденным в пользу известной стороны мнением начальника? И как устоят они против искушения нарушить закон? Ведь это совершенно безопасно: лишь бы был доволен начальник, и никакая ответственность не упадет на них. Таким образом они должны нарушать закон не для того, чтобы брать взятки, а для того, чтобы не подвергнуться несчастию самим. Вот истинный источник незаконного ведения дел. А если уже совестью надо

кривить, все равно, будет ли надобно брать взятки или нет, то почему же и не брать взятки? Когда надобно делать одно и то же — кривить душою — с выгодною и без выгоды, то, конечно, будет даже лучше кривить душою с выгодною. И без того не избежишь греха. Таким образом взяточничество является только уже результатом предшествующей ему необходимости нарушать закон, по беззащитности исполнителей закона перед сильнейшими и безответственности перед обществом. Чтобы восстановить законность, надобно обратить внимание не собственно на взяточничество, а на эту коренную причину невозможности чиновникам обходиться без нарушения закона. Надобно изменить положение чиновников, дать им возможность не погибать от отказа нарушать закон в угоду сильным людям и, с другой стороны, сделать так, чтобы одно благорасположение начальства не служило для них залогом полной безопасности при нарушении закона. Читатель видит, что для этого должны быть изменены отношения должностной деятельности к общественному мнению. Оно должно получить возможность к тому, чтобы защитить чиновника, исполняющего свой долг, от гибели и подвергнуть ответственности чиновника, нарушающего закон. Для этого одно средство: надобно сделать, чтобы должностная деятельность перестала быть канцелярскою тайною, чтобы все делалось открыто, перед глазами общества, и общество могло высказывать свое мнение о каждом официальном действии каждого должностного лица»¹.

Следующая и последняя купюра статьи «Суеверие и правила логики» тесно при-мыкает по своему содержанию к предыдущей. Чернышевский с большой яркостью вскрывает глубочайшую органическую связь самодержавия и крепостного права, указывая на то, что первое — политический сторож последнего.

Мы не знаем, возможно ли, при нынешнем устройстве наших общественных отношений, осуществление условия, которое предлагается выписанным нами отрывком для прекращения беззаконности; быть может, подобная реформа предполагает уничтожение отношений слишком сильных, не поддающихся реформам, а исчезающих только вследствие важных исторических событий, выходящих из обычного порядка, которым производятся реформы. Мы не хотим решать этого, мы не хотим рассматривать, какие обстоятельства нужны для исполнения мысли, изложенной автором приведенного нами отрывка. Но можно сказать, что пока не осуществится изменение, необходимость которого он доказывает, все попытки к водворению законности в нашей администрации и судебном деле останутся безуспешны.

Впрочем, рассмотрение средств, которыми могла бы устраниться коренная причина бедности нашего народа, дурное управление, не составляет главного предмета нашей статьи. Мы должны показать только, что дурное управление есть общая коренная причина всех тех недостатков, которые задерживают развитие нашего земледелия. Начав с экономической стороны быта, мы сказали, что дурное управление — основная бедность нашего народа, которая, в свою очередь, не дает развиваться ни одному из материальных условий, нужных для успехов земледелия. (К стр. 562, т. IV).

[Мы уже сказали, что не намерены писать филиппик против крепостного права; но мы укажем факт, всем известный, если скажем, что трудно было

¹ На корректуре против всей приведенной и перечеркнутой выписки на полях имеются следующие пометки: «На основании последнего распоряжения Министерства на помещение этого места нужны фактические доказательства. Цензор Мацкевич».

«Сделать ссылку на это место и потом возвратить мне. Мацкевич».

«Эта выписка сделана мною из рукописной статьи под заглавием «О взяточничестве и причинах его», присланной в редакцию «Современника» каким-то господином, подписавшим под нее буквы А. За-в. — Чернышевский». (Примечание Мих. Ник. Чернышевского.)

Как видим, Чернышевский умел посмеяться над правительственной властью и при прямом ее запросе об осведомителях «Современника»: приведенный псевдоним конечно не оставлял в руках чиновников никаких нитей для разыскания «виновных». — Р е д.

найти поместье, в котором пользование крепостным правом или не превышало бы границ, определенных ему законом, или не употреблялись бы для управления крестьянами средства, запрещенные законом, и не оставались бы в пренебрежении обязанности относительно крестьян, возлагаемые законом на помещика. В одних поместьях требовалась барщина выше трех дней, в других — крестьяне подвергались иным притеснениям, в третьих — оставались без надлежащего пособия во время неурожая, и т. д. Надобно сказать, что эти нарушения законов далеко не всегда проистекали от того, чтобы помещик был дурным человеком: нет, источник их лежал не в личных качествах отдельных людей, а в самой натуре крепостного отношения. По своей сущности крепостное право ведет к произволу, и какими бы законами ни определялось оно, оно неминуемо влечет и к нарушению, потому что произвол не может ужиться ни с каким законом. Если бы управление действительно хотело и могло преследовать все бесчисленные нарушения законов, неминуемо вытекавшие из крепостных отношений, в каждом поместье беспрестанно возникали бы процессы против помещика, и, измученный справедливыми преследованиями, он давным-давно сам постарался бы вывести свое поместье из крепостных отношений, которые, прибавим, очень мало доставляли бы ему материальной и денежной выгоды, если бы управление не позволяло далеко превышать законных размеров и средств пользования крепостным правом. Много говорить об этом нет надобности: спросите какого угодно дельного чиновника, он скажет вам, что удовлетворительные формы ведения процессов гражданских и уголовных были невозможны при крепостном праве; а это значит, иными словами, что существование крепостного права было бы невозможно при хорошем управлении.

Если мы посвятили несколько страниц изложению последствий дурного управления в экономической стороне народного быта, то едва ли понадобится нам больше нескольких строк для обнаружения того, что дурное управление было также главною причиною неудовлетворительного развития

ГРАЖДАНСКАЯ КАЗНЬ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Исполнение приговора (19 мая 1864 г.)

С рисунка, хранящегося в Государственном Музее Революции СССР

нравственных и умственных сил народа. Говоря о бедности, производимой дурным управлением, мы уже видели, что оно производит ее через подавление нравственной энергии в народе. Действительно, может ли быть энергичен человек, привыкший к невозможности отстоять свои законные права, человек — в котором убито чувство независимости, убита благородная самоуверенность? Соединим теперь упадок нравственных сил с бедностью, и мы поймем, почему дремлют также умственные силы нашего народа. Какая энергия в умственном труде возможна для человека, у которого подавлено и сознание своего гражданского достоинства, и даже энергия в материальном труде, который служит школою, подготовляющею человека к энергии в умственном труде? (К стр. 563, т. IV).

Этой купюрой заканчивается группа текстов, изъятых цензурой из статьи «Сутверие и правила логики». Кроме этих текстов цензура сделала ряд более мелких искажений и изъятий, не приводимых в настоящей публикации.

Несколько крупных как по значению, так и по объему купюр сделаны были в статье «Нынешние английские виги». Приведем из них две. Первая важна тем, что является прямым высказыванием Чернышевского об английском пролетариате и об угнетении его английским капиталистическим правительством, вторая — тем, что является прямым высказыванием о революции. Напомним, что эти тексты являлись органической частью статьи, имевшей по внешности скромный вид развернутой рецензии на перевод сочинения Маколей, изданный Николаем Тибленом (Маколей, Полное собрание сочинений, т. I, Критические и исторические опыты. Изд. Николая Тиблена, СПб, 1860). «Рецензия» содержала анализ политического лица Маколей и разоблачение консервативной, реакционной сущности якобы «прогрессивных» выгов.

Вот первая купюра, говорящая об английском пролетариате и о лишении его политических прав:

[Надобно только поставить в этих рассуждениях фразу «английские работники» вместо фразы «английские евреи», и рассуждения, выписанные нами, в точности применятся к предмету, о котором рассуждает Маколей в письме к северо-американцу. Английские работники не чувствуют расположения к «системе, существующей в Англии», но это потому, что сама английская система «обращалась, как мачеха». Поэтому «принимать за основание для обвинения» этого «класса людей — недостаток в них» расположения к нынешней английской системе «есть самая избитая уловка софистов. Это — логика волка относительно ягненка! Это все равно, что обвинять устье ручья в отравлении его источника». Английские работники «являются именно такими, какими их сделало правительство». За этим мы повторяем всю прекрасную параболу о чувствах, какие стали бы развиваться в рыжеволосых людях, если бы они были лишены политических прав за рыжий цвет волос, и говорим вслед за Маколеем: точно такие же чувства необходимо должны развиваться в английских евреях или в английских рабочих, когда они признаются неспособными к политическим правам за принадлежность к сословию работников или за еврейское происхождение. Если люди того или другого имени — дурные английские граждане, в этом виноваты английские правители, и — продолжаем подлинными словами Маколей, находящимися у него на тех же страницах, с которых сделана нами последняя выписка,—

«Нельзя дозволить правителям слагать с себя, таким образом, важную ответственность. Не им говорить, что какая-нибудь секта (или какое-нибудь сословие) «не имеет патриотизма» (или интереса в безопасности собственности и поддержании общественного порядка, по выражению, употребленному Маколеем в письме к северо-американцу). «Их дело — внушить ей (ему) патриотизм» (интерес в безопасности собственности и поддержании общественного порядка). История и здравый смысл ясно указывают на средства к этому» (стр. 309).

В чем заключаются эти средства, Маколей разъясняет всю свою статью о евреях: они заключаются в предоставлении государственных прав.] (К стр. 386, т. VI).

Статья «Нынешние английские виги» была опубликована в 1860 г., когда основные моменты готовившейся крестьянской реформы были уже ясны и когда вопрос о крестьянской революции как результате реформы пугающим призраком стоял перед дворянством. Решиться говорить в легальном журнале о массовом восстании как результате «свободы» да еще доказывать благодетельность этого восстания — на это мог решиться только Чернышевский. Рассуждение это было им вдвойне законспирировано от цензуры: во-первых, Чернышевский придал ему вид цитаты из Маколеев, чтобы отвести внимание от истинного смысла; во-вторых, Чернышевский придал рассуждению своему невиннейшую из невинных форм, — форму... сказки да еще «хорошенькой».

[«Ариосто рассказывает хорошенькую сказку об одной фее, которая по особенному таинственному закону своей природы осуждена была порою являться в форме гадкой и ядовитой змеи. Те, которые ожидали ее во время ее превращения, навсегда устранились от участия в раздаваемых ею благах. Но тем, которые, не взирая на ее отвратительный вид, жалели и защищали ее, она открывалась потом в своей природной, прекрасной и небесной форме, становилась неразлучною их спутницею, исполняла все их желания, наполняла их дома богатством, делала их счастливыми в любви и победоносными в войне. Такая же фея — свобода. По временам она принимает вид отвратительного гада, ползает, шипит и жалит. Но горе тем, которые, побуждаясь омерзением, дерзнут раздавить ее! И счастливы те, которые, отважившись принять ее в ее униженном и страшном образе, будут, наконец, вознаграждены ею в пору ее красоты и славы!

Против зла, порождаемых новоприобретенною свободою, имеется одно лишь средство, — и это средство — сама свобода. Узник, покидая свою темницу, на первых порах не может выносить дневного света: он не в состоянии различать цвета или распознавать лиц. Но лекарство состоит не в том, чтобы снова отослать его в тюрьму, а в том, чтобы приучить его к солнечным лучам. Блеск истины и свободы может сначала отуманить и помрачить нации, полуослепшие в темнице рабства. Но дайте срок, и они скоро будут в состоянии выносить этот блеск. Люди в несколько лет научаются правильно мыслить. Крайнее буйство мнений стихает. Враждебные теории исправляют друг друга. Рассеянные элементы истины перестают бороться и начинают сплаваться. И, наконец, из хаоса возникает система справедливости и порядка.

Многие политики нашего времени имеют обыкновение выдавать за аксиому, что ни один народ не должен быть свободным, пока не достигнет умения пользоваться своею свободою. Правило это достойно того глупца в старинной сказке, который решил не ходить в воду, пока не выучится плавать. Если бы людям следовало дожидаться свободы, пока они не сделаются умными и добрыми в рабстве — им бы пришлось вечно пребывать в ожидании. (К стр. 387, т. VI).

В своем замечательном «Дневнике», получившем заслуженно широкую известность в дни столетнего юбилея со дня рождения Чернышевского (1928), Чернышевский записал особым шрифтом ряд прямых высказываний о революции, не стесненных учетом цензурных требований. Одно из этих высказываний перекликается с приведенным выше текстом цензурной купюры. В нем тоже идет речь о восстании, о революции и о прямом участии в ней самого Чернышевского. Он говорит своей невесте: «Готова и искра, которая должна зажечь этот пожар. Сомнение одно — когда это вспыхнет? Может быть лет через десять, но я думаю скорее. А если вспыхнет, я приму участие... Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня». Это говорил молодой революционер в 1853 г. Через семь лет в текстах, писанных вне цензурных условий, в прокламации «Барским крестьянам», Чернышевский говорил еще более зрелым языком организатора революции. Но мы видим, что и в текстах, приготовленных для цензуры, он умел в скрытой форме высказывать по существу те же мысли.

Небольшая рецензия Чернышевского на № 1 журнала «Время», опубликованная в 1861 г., сейчас не остановит на себе особого внимания читателя. В «Полном собрании сочинений» Чернышевского эти несколько страничек не отличаются чем-либо особо острым в контексте других небольших рецензий. Но это кажется так

лишь потому, что мы доселе не знали настоящего текста этой рецензии, из которой по воле цензора выкинуто основное ядро — блестящий иронический памфлет против российской «гласности» эпохи 1861 г. Поводом для него послужило «невинное» желание журналиста не рассматривать все статьи нового журнала для определения его лица — «это было бы слишком длинно», — а взять лишь какую-нибудь «пробу», отдельную тему как пример.

[Мы берем для этой пробы — понятие о так называемой у нас гласности, которую вернее было бы называть косноязычностью. Всему свету известно, что с русскою гласностью, несмотря на юность и невинность этой скромной институтки, а может быть именно по причине ее чрезмерной стыдливости, произошло не мало неприличных историй, конфузящих бедняжку до слез. До сих пор ее все еще экзаменуют и находят — не то, что она мало знает и почти ничего не говорит, нет, находят, что она держит себя непристойно и ставят ей дурные баллы за поведение. В образованных странах такого обращения с девицами не допускают нравы, — да и гласность там уже не девица, стыдящаяся всего на свете, робеющая каждого упрека, а очень бойкая дама, которая не дает спуска никому. Там все ее хвалят, потому что она сживет с белого света того, кто вздумал бы хоть заикнуться против нее. У нас не то: всякий норовит обидеть бедную девушку: и сплетница-то она, и нахалка-то она, и скандалезница-то она, — чуть кто посильнее, прямо зажимает ей рот, да еще дает пощечины (это считается хорошим средством примирить с собою, заставить полюбить себя); а кому не доставалась привилегия раздавать по своему усмотрению пинки и зажимать рот неприятному для него существу, тот по крайней мере подбивает других на это криками о том, что гласность зазорно держит себя, что надобно обуздать эту гадкую девчонку. Добро бы держали себя так становые и частные пристава, которым точно достается иногда от гласности и, надобно сказать, достается с нарушением всякой справедливости, как будто они — уж и в самом деле, бог знает, как виноваты в наших бедах и неурядицах, когда они-то в сущности еще гораздо невиннее очень многих. Нет, позорят и подводят под сюркуп нашу жалкую, колотимую всяким встречным и поперечным, гласность сами журналисты, которым, повидимому, следовало бы защищать ее. В общих фразах они действительно превозносят ее; но чуть только явится в печати что-нибудь неприятное какому-нибудь журналисту, он тотчас же начинает толковать о злоупотреблении гласности, о том, что она вышла в этом случае за пределы, в которых бывает полезна и может быть терпима; словом сказать, начинает рассуждать тоном людей, враждебных гласности, и дает им в руки оружие против нее: «вот посмотрите (говорят после таких статей враги гласности), сами писатели находят, что литература слишком своевольничает»]. (К стр. 64, т. VIII).

Статья получает совсем иной политический смысл, если прочесть весь текст вместе с приведенной выше купюрой.

Выше приведены далеко не все изъяты цензурой тексты, но и приведенных более чем достаточно для того, чтобы понять, с какими существенными проблемами знали мы до сих пор подлинного Чернышевского и каким богатым новым содержанием мы должны овладеть, чтобы полностью изучить литературное наследство величайшего русского революционера 60-х годов.

М. Нечкина

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ И КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ НА УКРАИНЕ

(НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МЕСТА ИЗ РАБОТЫ ЧЕРНЫШЕВСКОГО «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕСТАКТНОСТЬ»)¹

Работа Н. Г. Чернышевского «Национальная бестактность» давно привлекала внимание исследователей. Эта работа была одним из наиболее ярких и острых документов, характеризовавших отношение Чернышевского к национальному вопросу. Особо важно поэтому подчеркнуть, что до сих пор мы не знали подлинного текста этой замечательной статьи. Цензура грубо искажала ее, выбросив ценнейшие места, говорящие именно о национальном вопросе и вскрывающие классовое содержание национальной проблемы. Напомним, что статья написана по поводу выхода в Львове в 1861 г. газеты «Слово», провозглашавшей себя «органом галицийских малороссов». Чернышевский разоблачает газету «Слово» как орган русинских националистов реакционной австрийской ориентации, орган клерикалов и угнетателей-помещиков, раздувающих вражду к полякам, и в то же время отмежевывающий западных украинцев от восточных. В эпоху подготовки польского восстания 1863 г. Чернышевский стоял за польскую ориентацию украинских трудовых масс, считая необходимой консолидацию национальностей в целях разгоравшейся революционной борьбы. Разоблачив реакционное националистическое лицо «Слова», Чернышевский высказывал пожелание, чтобы руководство газетой было как можно скорее вырвано из рук компрометирующей национальное движение клерикальной партии — газета должна стать действительным органом «русинского народа», а «народ» в устах Чернышевского означало трудящиеся массы.

Статья «Национальная бестактность», как известно, вызвала ожесточенный вой реакционной прессы. В славянофильском «Дне» на Чернышевского набросились И. С. Аксаков и В. Н. Ламанский, имели место и другие выступления. Этот вой лишний раз подтвердил правильность непримиримой позиции, занятой Н. Г. Чернышевским.

Первая крупная цензурная купюра статьи содержала в себе резкий протест Чернышевского против того, что газета руководима реакционерами-клерикалами. Одна из руководящих статей первого номера была наполнена подхалимским умилением по поводу выхода номера в день «святого Григория Богослова», т. е. в день «именин» галицкого митрополита Григория, «архипастыря православных русинов» и будущего «главы» освободительного движения Западной Украины, по мнению «Слова». Протест свой против реакционно-клерикального руководства Чернышевский облек в «цензурную» форму утверждений, что дело-де духовных пастырей — молиться, а не вмешиваться в «мирские» дела, например в политику, что духовенство в силу своих «небесных» занятий совершенно «не подходит» для роли руководителя политической борьбы. Эта форма была очень удачно выбрана Чернышевским: она, с одной стороны, была, казалось бы, цензурно-безупречна, — нельзя же было, в самом деле, протестовать цензуре против утверждения, что дело духовенства — заниматься «духовными» делами! С другой стороны, эта форма давала огромный простор бичующей иронии Чернышевского, вскрывавшего истинное политическое лицо клерикала под видом доказательств «неудобства» занятий политикой для «архипастыря», носителя духовного сана.

Мы опускаем первую, довольно значительную часть купюры, состоящую из цитат подхалимовской статьи «Слова», восхваляющей «доблестного» «князя» — архипастыря Григория.

[Мы не знаем прошлой деятельности высокопреосвященного Григория, архипастыря православных русинов, и с удовольствием готовы предположить, что деятельностью своею он вполне заслужил безграничное уважение, какое высказывается к нему в этой статье. Положим, что высокопреосвященный Григорий, или, как называется он в других статьях Львовского «Слова», куврь Григорий, — ревностнейший покровитель и заступник русинской народности; положим, что благо русинского народа безусловно предпочитает он всем земным почестям и самому спокойствию своих лет, конечно, преклонных. Но мы все-таки не можем не сказать русинам, что на-

¹ Тексты цензурных купюр статьи «Национальная бестактность» воспроизведены по собственноручным копиям, сделанным сыном Н. Г. Чернышевского Михаилом Николаевичем Чернышевским с цензурских корректур, оказавшихся в его распоряжении уже после того, как издание Полного собрания сочинений (1906) было закончено; ныне эта папка с выписками М. Н. Чернышевского находится в распоряжении редакции «Литературного Наследства».

правасно вмешивать архипастыря в то дело, органом которого хочет быть Львовское «Слово». Это дело мирское, чуждое прямых священных обязанностей архипастыря и отчасти несогласное с ними. Архипастырь должен проповедывать любовь к врагам и христианское смирение. Львовское «Слово» основано для борьбы с противниками русинского народа. Оно теперь видит этих противников в поляках; но в ком бы оно ни увидело их, по более здравом рассмотрении дела,—в поляках ли, в австрийцах ли, в некоторой ли части самих русинов—все равно, оно, конечно, не откажется от борьбы с врагами русинского народа; а враги у русинского народа без сомнения есть, потому что в мирских делах без вражды никогда не обходится. Каково же должно быть отношение архипастыря к этому мирскому делу, соединенному с враждой? По обязанности своего сана он должен «благословлять», а не «проклинать»; начав бороться против врагов русинского народа по мирским делам, он изменил бы обязанности своего сана. Мы не полагаем, чтобы русины захотели подвергнуть своего любимого архипастыря справедливому нареканию.

В чем состоит главный упрек католическому духовенству? В том, что оно, забывая о прямых священных обязанностях, вмешивается в мирские дела, в борьбу политических партий. Львовское «Слово» поступает неразумно, вызывая к православному архипастырю своему, чтобы он последовал дурному примеру католических кардиналов и прелатов. Как бы то ни было, Львовское «Слово» — орган политической партии. Желая иметь к рь Григория своим руководителем, оно хочет сделать его предводителем политической партии. Согласиться на такое желание высокопреосвященному Григорию значило бы повредить интересам православной церкви в Галиции, как вредят интересам католической церкви французские, итальянские и немецкие епископы, делающиеся предводителями одной из политических партий. Они восстанавливают против себя другие партии; а легок и неизбежен переход чувства с известного лица на звание этого лица и потом на самое дело, которому служит это звание. От вражды к католическому епископу, как предводителю политической партии, начинают враждовать католики против него, как католического епископа, а потом и против самой католической церкви. Неужели Львовское «Слово» хочет подвергнуть этой судьбе православие в Галиции?

Могут сказать: «православие в Галиции подвергается притеснениям уже и теперь,—значит, проигрыша не будет». Но если оно действительно подвергается притеснениям, это значит, что православное духовенство в Галиции до известной степени вмешивалось в мирские раздоры, потому что иначе не было ни у каких иноверцев охоты к мирскому преследованию православия; если православие в Галиции стесняется, оно наверное избавится от всяких мирских стеснений, когда православное духовенство не будет вмешиваться в политические дела; а вызывать православное духовенство к сильнейшему участию в этих делах, как делает Львовское «Слово», значит возбуждать сильнейшие мирские гонения на православие. Пусть Львовское «Слово» хорошенько подумает об этом. Если бы не были мы уверены, что оно делает это только по нерассудительности, мы предположили бы тут коварную махинацию австрийских иезуитов, переодетых в приверженцев высокопреосвященного кврь Григория с целью повредить и ему и православию. Иезуиты часто поступали таким образом,—прикидывались друзьями иноверцев, чтобы вовлекать их в гибельные ошибки. В каком восторге должна быть папская курия и вся иезуитская партия, читая статью «Слова», нами переведенную! Какой прекрасный повод разжигать поляков против православия подает иезуитам эта статья!

От интересов православия в Галиции обращаясь к мирским выгодам русинского народа, мы точно так же находим способ действия Львовского

«Слова» прямо вредным для целей, которые оно себе ставит. Руководителями в каждом деле должны быть те люди, которые наиболее способны управлять этим делом успешно, хорошо знают его и могут ставить его главной задачей своих мыслей и усилий. Но политика никогда, конечно, не была и не будет специальностью русинского первосвященника. Если он — пастырь достойный, в чем мы уверены, он не имел времени заняться изучением предметов, чрезвычайно многосложных и посторонних для него. Епископ не чиновник, не юрист, не политик-эконом, не сельский хозяин, не газетчик. У него есть другое занятие, требующее всех его сил. Он изучал православное богословие, а не юриспруденцию и не политическую тактику. К роли, которую неприлично для него занимать, к роли политического человека, он и не подготовлен. Поэтому он скорее всякого другого предводителя политической партии будет обманут хитростями противников и скорее всякого другого наделает ошибок в выборе средств. Словом сказать, если бы высокопреосвященный курь Григорий, увлеченный ошибочными просьбами Львовского «Слова», и согласился принять предлагаемое ему предводительство политической партией, эта его решимость, не согласная с пользами православия, была бы вредна и для мирских выгод русинского народа]. (К стр. 283, т. VIII).

Вторая купюра той же статьи исключительно важна в литературном наследстве Чернышевского. Это — один из самых ярких и отчетливых его текстов, анализирующих классовое содержание национального вопроса. Под видом национальной вражды скрывается самая подлинная классовая борьба — вот, что говорит Чернышевский. Дальнейшие комментарии к этому новому тексту излишни — он говорит сам за себя. Добавим, что приводимый ниже текст особо интересен еще потому, что содержит замечательные высказывания Чернышевского о Шевченко. Чернышевский понимал классовое значение Шевченко, считал его поэтом угнетенной трудящейся Украины и «непоколебимым авторитетом» в вопросах «быта малорусского народа» (в силу цезурных условий Чернышевский вынужден в приводимом ниже тексте употреблять официальные правительственные термины, например термин «малорусский народ»).

[Он свидетельствовал нам, что паны из малороссов далеко уступают панам из поляков справедливостью и человечностью в обращении с поселянами. Этот отзыв прекратил для нас возможность смотреть на отношения поляков к малороссам теми глазами, какими смотрит Львовское «Слово». Он окончательно разъяснил для нас ту истину, которую давно мы предполагали сами. Вот она.

В землях, населенных малорусским племенем, натянутость отношений между малороссами и поляками основывалась не на различии национальностей или вероисповеданий; это просто была натянутость сословных отношений между поселянами и помещиками. Большинство помещиков там поляки, потому недоверие простолюдинов к полякам — просто недоверие к помещикам. Когда малороссы говорят о панах, они только забывают прибавлять, что в числе панов есть и малороссы, потому что этих панов малороссов гораздо меньше, чем поляков. Но к этим панам их отношение точно таково же, как и к польскому большинству панов. Различие национальностей не делает тут никакой разницы. О чувствах и поступках польских панов относительно поселян разных племен надобно сказать точно то же, что о чувствах малорусских поселян к панам разных племен: различие национальностей и тут не производит никакой разницы в отношениях. От польского поселянина польский пан требовал несколько не меньше, чем от малорусского поселянина; ни в одном из тех облегчений, какие он сделал, или соглашается сделать польскому поселянину, он и не думает отказывать малорусскому поселянину. Тут дело в деньгах, в сословных привилегиях, а несколько в национальностях или вероисповедании. Малорусский пан и польский пан стоят на одной стороне, имеют одни и те же интересы; ма-

лорусский поселянин и польский поселянин имеют совершенно одинаковую судьбу; если была она дурна прежде, она была для обоих одинаково дурна; насколько становится или станет она лучше для одного из них, ровно настолько же и для другого.

Ничего этого не понимает Львовское «Слово». Ему не то неприятно, что поселянам было тяжело; ему неприятно лишь то, что большинство панов говорило не малорусским языком. Оно не понимает, что малорусскому поселянину не было бы ни на волос легче, если бы все паны в Малороссии были малороссы, — напротив, было бы малороссу тяжелее от этого, как свидетельствовал нам Шевченко. Мы знаем, что очень многие из образованных малороссов и кроме помещиков малороссов не захотят признать этого мнения за истину: оно противоречит национальному предрассудку, потому многими будет отвергнуто, по крайней мере на первый раз. Но никакие голословные возражения не поколеблют нашего мнения, опирающегося на такой авторитет, как Шевченко. Не опровергать наши слова мы советуем друзьям малорусского народа, а призадуматься над ними и проверить их фактами. Факты подтвердят их, мы в том уверены, потому что Шевченко чрезвычайно хорошо знал быт малорусского народа. Опираясь на этот непоколебимый авторитет, мы твердо говорим, что те, которые захотели бы говорить противное, ослеплены предрассудком, и что малорусский народ ничего кроме вреда не может ждать себе от них]. (К стр. 290, т. VIII).

Дальнейшее сравнение цензорской корректуры с текстом Полного собрания сочинений показывает, что мы не знали конца статьи. То, что мы обычно принимали за конец статьи, концом не является. Настоящий конец статьи также был вычеркнут цензором. Заранее можно догадаться, что и этот текст имеет острое политическое значение. Догадка эта оправдывается. Чернышевский, высказавшись о Западной Украине, переходит к вопросу Восточной, характеризует положение украинского народа, угнетенного русским самодержавием. Разумеется, если царская цензура еще могла как-либо пропустить крамольные рассуждения об украинцах под владычеством Австрии, то она должна была особо настороженно отнестись к рассуждениям об украинцах под владычеством России. Поэтому Чернышевский придал всему рассуждению форму иронического утверждения, явно противоположного действительности. «Друг-читатель» прекрасно знал по предыдущим статьям Чернышевского его отношение к русскому правительству и тем самым имел ключ к политическому шифру этого текста. Расшифровке помогало также ироническое признание Чернышевского никого иного, как Шевченко, в качестве свидетеля о... благоденствии украинского народа под самодержавным русским правлением.

[Мы начали статью тем, что будем говорить исключительно о галицийских русинах и действительно имели в виду только их во все продолжение статьи. Она относится исключительно к делам Галиции. Судьба остальной части малорусского племени устроена и обеспечена так превосходно, что об этой остальной части нам нечего заботиться, да и сама она не чувствует нужды иметь о себе никаких забот. Нашим русским малороссам даны все права и выгоды, каких только когда-либо желали они. Их обидеть не может теперь никакое племя. Они благоденствуют, по совершенно верному и очень удачному выражению своего любимого поэта Шевченко. Вероятно, мы не ошибаемся, предположив, что даже по мнению Львовского «Слова», столь преданного законной австрийской власти над Галицией, галицийские русины должны завидовать счастью своих одноплеменников-малороссов, пользующихся ныне свободой под нашею властью]. (К стр. 291, т. VIII).

Значение приведенных в настоящей публикации купюр несомненно. Самая тема, взятая Чернышевским — национальный вопрос в его классовом содержании, — еще больше увеличивает это значение. Эти тексты должны оживить исследование Чернышевского на Украине, до сих пор уделявшей ему незначительное внимание (так юбилей Чернышевского в 1928 г. почти не получил откликов в украинской литературе). Кроме этого приведенные выше купюры дают новый богатый материал для изучения общей постановки Чернышевским национального вопроса, — без них не сможет в дальнейшем обойтись ни один исследователь этой темы.

НЕИЗДАННЫЕ МЕСТА ИЗ СТАТЕЙ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО О ПУШКИНЕ

Среди рукописного материала, переданного в Дом-музей имени Н. Г. Чернышевского Академией Наук, имеется рукопись, по инвентарю № 4287, содержащая ряд выписок из критических статей Чернышевского¹. Одни из этих выписок относятся к «Очеркам гоголевского периода»; это — копии напечатанных мест соответствующего автографа (рукопись № 1649). В виду того, что в новейшем издании «Очерков» (Н. Г. Чернышевский, Избранные сочинения, т. IV, ГИЗ, 1930) данные места уже напечатаны по авторской рукописи, опубликование этой части выписки рукописи № 4287 особого интереса не представляет. В ином положении мы находимся относительно другой группы выписок, связанных с известными статьями Чернышевского о Пушкине по поводу издания Анненкова («Современник» 1855, кн. 2, 3, 7, 8. Полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского, т. I, СПб, 1906, стр. 245 и сл.). Именно эти копии ненапечатанных мест из указанных статей помогают восстановить первоначальный текст работы Чернышевского о Пушкине, привлекая внимание к автографу, до сей поры необследованному.

Всего разбираемых выписок 10; занимают они 2½ листа; 1-й лист и половина оборота написаны одним почерком, затем, до конца, идет другой. Оба переписчика, можно думать, были мало опытны; об этом свидетельствуют исправления, сделанные третьей рукой, особенно в начале, где указания переписчика (первого) на страницы оригинала заменены указаниями на листы и обороты. Когда и кем были сделаны разбираемые выписки — указаний не имеется.

Наличие выписок ненапечатанных мест заставило нас обратиться к авторской рукописи статей о Пушкине (№ 1600), уже описанной С. И. Быстровым. (Описание рукописей Н. Г. Чернышевского, хранящихся в Доме-музее его имени в Саратове. Составил С. И. Быстров. См сборник: «Николай Гаврилович Чернышевский». 1828—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи, Саратов, 1928, стр. 327 и сл.) Просмотр автографа показал, что заявление в этом предварительном описании: «Кроме некоторых небольших разночтений в печатном тексте опущено около 30 строк окончания 3-й статьи» преуменьшает действительность. В автографе нашлись все те места, не попавшие в печать, которые были скопированы в выписках рукописи № 4287. Удалось сделать даже некоторые дополнительные наблюдения (см. ниже).

Это обращение к автографу показало, что выписки сделаны именно из него, а не из копии (если таковая была) или корректур. Помимо совпадения в описках Чернышевского (см. прим. к выписке VIII) это совершенно ясно из одного места выписки X. Во фразе, относящейся к людям, достойным уважения, Чернышевский в автографе пропустил одно слово («должны занимать одно за самых мест»); там имеется чья-то карандашная отметка, а на полях написано: «вероятно, почетных». Переписчик рабски все скопировал вплоть до значков, вставил в текст, и лицу, исправлявшему переписанное (третья рука), пришлось зачеркнуть то, что не относится к тексту. Что касается указаний в выписках на листы и обороты, к которым они относятся, то их следует относить не к авторской рукописи (там пагинация и не имеется), а к печатному тексту, ибо в автографе конец 3-й главы занимает очень мало места (вместо переписывания выдержек из статей критиков Чернышевский там просто указывает, откуда их набирать — журнал, страницу), а выписки отсылают и к 121, и к 124 листу оригинала. Можно думать, что имелся подбор статей Чернышевского, извлеченных из журнала, пронумерованных подряд, и к этому подбору и делались по автографу выписки опущенных мест. Подбор мог включать не только статьи о Пушкине, почему ссылки в выписках идут, начиная с 63-го листа.

Как бы то ни было опубликование на основе автографа этих неизданных мест, а также измененных, восстановившая статьи Чернышевского о Пушкине в полном виде, неурезанными цензурой, дает нам более ясное изложение суждений Чернышевского о пушкинской критике, предвещающих появление «Очерков гоголевского периода». Мало только, что и автограф, и выписки относятся не ко всем четырем статьям Чернышевского о Пушкине, а к первым трем.

Известно, какое место занимал Чернышевский в спорах того времени о Пушкине. Уже в рецензии на перевод «Поэтики» Аристотеля (1854) Чернышевский прозрачно намекал на правильное по его мнению решение этого вопроса, отдавая предпочтение Гоголю (Соч., т. I, стр. 29). Эти же мысли развиваются им и в статьях о Пушкине, к великому гневу блюстителей старого литературного порядка. Все ненапечатанные отрывки носят характер именно заострения пушкинской проблемы, почему их, так сказать, цензурное происхождение не подлежит сомнению. Можно быть уверенным, что публикуемые ныне места остались ненапечатанными не по желанию Чернышевского, а по воле цензуры.

¹ На эту рукопись обратила наше внимание заведующая музеем Н. М. Чернышевская-Быстрова, за что приносим ей благодарность. — М. К.

Выдержки печатаются в квадратных скобках, вставленными, в целях ясности, в контекст (иногда и сокращаемый).

Как явствует из содержания статей Чернышевского о Пушкине, главной целью критики было именно выяснение общественного значения творчества этого поэта. Однако по цензурным условиям открыто ставить перед собой такую задачу он не мог и вынужден был ограничиваться намеками. Наиболее резкая фраза в печать не попала:

Вполне понимая всю важность такого события, как издание сочинений Пушкина, спешим отдать о нем отчет публике.

[Читатели наши, конечно, знают, чего не должно искать в наших статьях о новом издании Пушкина.] (I—1—245)¹

В общественно-литературных спорах 50-х годов имя Пушкина было святыней для реакционеров, сторонников так называемого чистого искусства, нападавших на «натуральную» школу в литературе.

Тем более цензуре могло показаться опасным всякое умаление Пушкина, в частности низкая оценка его исторических взглядов. Поэтому в следующем ниже тексте вычеркнуто указание на малую содержательность исторических характеристик Пушкина:

...взгляд его (т. е. Пушкина) на исторические характеры и явления был не более, как отражение общих понятий [какие были повторяемы всеми в то время, повторяемы даже без особенной охоты, потому что имели чрезвычайно мало содержания.] Петр — великий человек, мудрый правитель, Карл — опрометчивый герой... (II—21—289)

Хотя отзыв Пушкина о Державине и был напечатан в «Материалах» Анненкова, однако там он терялся среди разнообразнейших сведений о поэте. Помещенный же в виде выдержек в статье Чернышевского, он приобрел особо подчеркнутое значение, и цензура сочла нужным вступить за честь этого придворного поэта XVIII в., в то же время смягчая и обрисовку Чернышевским Пушкина, — об этом говорит следующая купюра:

...Сколько пронизательности, верности в его (т. е. Пушкина) беглых замечаниях о предшествующей ему русской литературе!.. Интересно знать, многие ли даже и ныне постигнут справедливость [например следующих его заметок, сообщаемых г. Анненковым: «Перечел Державина всего, — и вот мое окончательное мнение: этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка (вот почему он ниже Ломоносова); он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии, ни даже о правилах стихосложения; вот почему он должен бесить всякое разборчивое ухо. Он не только не выдерживает оды, но не может выдержать и строфы... У Державина должно сохранить будет од восемь, да несколько отрывков, а остальное сжечь... Жаль, что наш поэт слишком часто кричал петухом. Довольно о Державине»] или следующей: «Стихотворство для Ломоносова было иногда забавою, чаще должностным упражнением». (III—23—291)

Историческое значение Пушкина, по Чернышевскому, состоит в том, что он ввел в русскую литературу поэзию как прекрасную художественную форму, после чего только и могло русское общество устремиться в сторону содержания. Эта мысль пронизывает все статьи Чернышевского о Пушкине и открыто высказана им в конце рецензии (стр. 330). Однако в 8-й книжке «Современника» ее было легче высказать, чем в 3-й (18 февраля 1855 г. умер Николай I); несмотря на хвалебный характер всего абзаца, мысль о том, что сочинения Пушкина могут стать только памятником эпохи, показалась цензуре опасной. Интересно сообщить, что весь печатаемый ниже текст (включая вставку) написан Чернышевским под влиянием известия об указанном историческом событии. В авторской рукописи имеется приписка: «дописано 18 февраля 1855 года — под влиянием известного события написаны последние строки» и дальше дата приписки: 6 апреля 1856 г.

Вообще влияние человека, одаренного таким огромным умом и так высоко стоявшего по своей образованности, как Пушкин, было неизмеримо важно для развития читателей, им созданных и очарованных его гениаль-

¹ Подобное обозначение принято нами и для всех дальнейших примечаний. Первая цифра указывает номер выписок в порядке текста (они имеются и в рукописи № 4287); вторая — соответствующее место автографа (рукопись № 1600); третья — соответствующую страницу печатного текста (по вышеуказанному к первому тому Полного собрания сочинений 1906 г.).

ным талантом. В истории русской образованности Пушкин занимает такое же место, как и в истории русской поэзии. Прийдут времена, когда его произведения останутся только памятником эпохи, в которую он жил; но когда придет это время, мы еще не знаем, а теперь мы можем читать и перечитывать творения великого поэта и, с признательностью думая о значении их для русской образованности, повторять вслед за ним:

Да здравствуют Музы, за здравствует Разум!

И да будет бессмертна память людей, служивших Музам и Разуму, как служил Пушкин. (IV — 23 об. — 292)

Посвящая 3-ю главу своей работы о Пушкине критике 30-х годов и беря под свою защиту тех, кто смел судить поэта, Чернышевский стремился это сделать в возможно более открытой форме. Однако цензура разрешала печатать лишь выдержки из критических статей, без разъяснений к ним, на что Чернышевский жалуется в конце 4-й главы (стр. 328): «...нам остается только привести общее заключение о значении Пушкина в истории русской литературы — оно опять будет опираться на выписки — иначе невозможно в настоящее время, когда все должно быть защищено авторитетами; и как благодарны должны быть мы тому счастливому обстоятельству, что многое, нужное для настоящего времени, уже давно сказано — иначе мы или не могли бы, или не умели бы сказать ничего». Мнения самого Чернышевского, даже в замаскированном виде, как в следующей ниже купюре, не пропускались в печать.

Что касается изменения в сущности суждений о произведениях Пушкина, начиная с 1830 года, журналы... были только отголоском общего мнения огромного большинства публики. [Кто был в этом случае прав — Пушкин или публика, мы не будем говорить здесь. Дело будет ясно само собой, без всяких заключений с нашей стороны, когда мы проследим характер изменения, происшедшего в стремлениях великого поэта. Скоро мы увидим, что тогдашняя критика умела найти причину охлаждения публики к ее любимцу.] Но справедлива или несправедлива была публика, становясь равнодушнее к новым произведениям Пушкина, нельзя обвинять журналы за то, что они не прошли молчанием этот факт... (V—26—298)

Указывая на то, что «Московский Телеграф» (журнал, издаваемый Н. А. Полевым (1796—1846), известным критиком и писателем, примыкавшим к романтикам), начиная с 1830 г., меняет относительно Пушкина свой прежний панегирический тон на иной, Чернышевский, отнюдь не примыкая к хулителям Полевого, стремится объяснить этот факт, во-первых, общественно-литературным окружением Пушкина и во-вторых, нападением в кружке Полевого новых, по его мнению более правильных, требований, предъявляемых к литературе. По первому пункту цензура, пропустив ссылки на литературных друзей Пушкина, вычеркнула в следующем ниже тексте наиболее «опасное» место, связанное с Н. М. Карамзиным (1766—1844), известным писателем и автором «Истории государства российского», — труда, проникнутого правозверным монархизмом. По второму пункту — заставила Чернышевского переделать одобрительное суждение о критике «Телеграфом» пушкинского «Онегина». Вот что писал Чернышевский и как это выглядит в печатном тексте: «Теперь каждый беспристрастный почитатель Пушкина согласится, что в этом отзыве чрезвычайно много правды, и мы не знаем, что в нем может быть найдено несправедливого» (автограф, 32 л.). «Едва ли можно согласиться с этим отзывом, но в нем все-таки не заметно недоброжелательства критики к разбираемому им автору» (стр. 304).

Неудивительно, что Пушкин, горячо стоявший за своего друга Дельвига... любивший и уважавший князя Вяземского, благоговевший перед Катениным, был увлечен в их вражду с Полевым. Вот, по нашему мнению, главнейшая причина распри... Этот главный мотив без всякого сомнения усиливается теми природными наклонностями Пушкина, которые прекрасно разъяснены П. В. Анненковым — уважением к преданиям старины, благоговением к памяти Карамзина и наконец особенным расположением к издателю другого журнала «Московского Вестника», бывшего во вражде с «Телеграфом». Последнее обстоятельство не требует подробных доказательств. [Известно также, какое сильное (и несовершенно основательное) негодование во всех почитателях Карамзина было возбуждено замечаниями Полевого на «Историю государства российского» (эти замечания были умереннее почти всех других критических статей о труде Карамзина)

и изданием «Истории русского народа», известно и то, как благоговел перед Карамзиным Пушкин.] Но выпишем несколько верных слов г. Анненкова о первой из причин неблагоприятия нашего поэта к журналу Полевого. (VI — 30—301)

Следующая купюра касается общественной оценки Пушкина. Находя в статьях Полевого только проблески критического отношения к Пушкину, Чернышевский выдвигает как следующий этап пушкинской критики «грозные статьи экс-студента Никодима Надоумко», т. е. статьи Н. И. Надеждина (1804—1856), известного ученого, публициста, критика и издателя журнала «Телескоп». Примыкая к философскому учению Шеллинга и враждуя с романтиками, Надеждин требовал от литературы естественности и народности; в своей статье 1828 г. «Литературные опасения за будущий год» он весьма критически отнесся к современной ему русской литературе. Более подробно о Надеждине см. в «Очерках гоголевского периода», гл. IV. Не приходится удивляться, что цензура вычеркнула разъяснение смысла статей Надеждина, сделанное Чернышевским; особенно должен был обратить на себя внимание конец характеристики, где Чернышевский устами Надоумко отказывается приравнивать Пушкина к тем иностранным писателям, произведения которых имели большое общественное значение. Характерно, что вместо Делавиня (1793—1843), автора французских либеральных стихотворений, и Гюго (1802—1885), знаменитого французского романтика, Чернышевский хотел, как показывает автограф, поставить имя А. Шенье, поэта эпохи французской революции.

Предшественницами учено-литературной критики, которая одушевляла «Телескоп», были грозные статьи «экс-студента Никодима Надоумко», явившиеся в «Вестнике Европы» 1828 и 1829 годов. [Мы не имеем нужды защищать их, потому что автор их сам мог бы защититься, еслиб находил заслуживающими ответа односторонние отзывы, какие до сих пор повторяют о его мрачных приговорах. Но необходимость объяснить вопрос, о котором теперь идет речь, заставляет нас сказать несколько слов о существенном смысле статей экс-студента, — смысле, которого часто не замечают, оставаясь на внешних мелочах. Мы уже видели, что критика «Телеграфа» рассматривала не одну форму, не одни слова и фактуру стиха — она старалась постичь идею разбираемого сочинения — стремление, бывшее великим шагом вперед. Но одним шагом, как бы ни был он велик, невозможно было пройти неизмеримое расстояние, отделявшее взгляды старой нашей критики, замечавшие только внешность, от истинно критического взгляда, который в поэтическом произведении ищет содержания. «Телеграф» придавал еще слишком много важности красоте слога, легкости стиха. Потому он был ослеплен дивным стихом Пушкина и не мог беспристрастно рассмотреть, до какой степени глубоко содержание дивных произведений несравненного художника. Была и другая слабость в критике «Телеграфа»: несмотря на все тогдашние толки о ее строгости, она была очень радушна и невзыскательна. «Телеграфу» так пламенно хотелось видеть осуществленными свои добрые желания относительно русской литературы, что он удовлетворялся самыми слабыми признаками исполнения этих желаний; малейшее сходство с его идеалами было достаточно «Телеграфу», чтобы прийти в восторг и торжествовать победу. Пришло время взглянуть на вещи серьезнее, отчетливее — и явились статьи Надоумко. Неземного совершенства нет на земле, и Надоумко мог иметь свои слабые стороны: он сам еще страдает хаотическим смешением нового, живого и плодотворного с отжившим и мертвым. Но за ним остается высокое достоинство: бестрепетно анализировал он содержание произведений, столь превозносимых за великолепную внешность, и с горечью воскликнул: «Эти дивные по художественности создания поверхностны или ничтожны по содержанию». — «Вы говорите, — сказал он, — что русская поэзия может гордиться — да, может, стихом, отделкою и только — а этого еще слишком мало, вы говорите, что имеем своих Байронов, Делавиней, Гюго — нет, у нас нет ничего подобного; в произведениях, которые вам кажутся байроновскими, нет ни искры того пламени, которым пылают байроновы создания. Вот несколько

отрывков, которые могут дать понятие о том, что говорил Надоумко. (VII—34—306)

Следующая цензурская купюра касается высокой оценки критики Надоумко и отрицания «равенства» произведений Пушкина произведениям Байрона. Указания Чернышевского на широкую образованность Надоумко-Надеждина и на близкое знакомство его с произведениями корифеев мировой литературы вполне правильны: Надеждин — известный профессор Московского университета. Вычеркиванием этого абзаца цензура, как и в других случаях, стремилась затемнить истинный смысл критики Надеждина, отказывающегося приравнивать «Евгения Онегина» к «Чайльд-Гарольду», выдающемуся произведению Байрона.

«Велемудрые наши крикуны, собирающиеся на Телеграфической сходке, не стыдятся к хламу, унавоживающему нашу литературу, прикидывать мерку бесконечного... Им чудится идеальное парение в «Нуличе»; они видят развитие идей человеческого в «Выжигине»!!! Одно только может извинить пред судилищем литературного правосудия сию хулу на изящество: это — грех неведения!» [Надоумко — критик, близко знакомый с великими произведениями искусства всех времен и народов, воспитанный изучением греческих классиков, Шекспира, Гете и Байрона, проникнутый высокими философскими стремлениями: он не может не высказывать громко и резко, что произведения¹ русской поэзии вовсе не равняются с теми классическими произведениями искусства, подобными которым добродушно считали их другие. И если мы сумеем стать на его точку зрения, если мы припомним глубокий смысл Чайльд-Гарольда, то для нас не покажется странным следующее суждение «Телескопа» о «Евгении Онегине»], в котором — не должно забывать — хотели видеть русского Чайльд-Гарольда. (VIII — 34 об. — 307)

Конец 3-й статьи, куда относится приводимый ниже отрывок, вообще чрезвычайно изменен Чернышевским в связи с цензурными требованиями. Вычеркнутое цензурой место, содержащее отказ от «безотчетного восторга» перед Пушкиным, лишает выразительности весь следующий абзац, в котором Чернышевский указывает на то, что рассуждения Надоумко о Пушкине есть, в сущности, рассуждения вообще о русской литературе того времени. Последующие же строки уже совсем не выражают намерений Чернышевского, ибо ему для печати пришлось сильно изменить рукопись. В рукописи Чернышевский писал определенно: «Мы находим, что в суждениях «Телескопа» о Пушкине более справедливого, нежели ошибочного: другие могут находить, что ошибочного в них более, нежели верного, но во всяком случае для каждого, кто возьмет на себя труд перечитать статьи экз-студента Надоумко и разборы «Телескопа», или даже, пробежав наши выписки, припомнить преувеличенные толки о богатстве нашей литературы и т. д., несомненно то, что в этих суждениях есть много нужного и дельного. Еще бесспорнее то, что «Телескоп» в своих суждениях был прямодушен и руководился желанием высказать свое твердое убеждение, а не какими-нибудь посторонними отношениями. Бесспорно и то, что автор разборов доказал ими глубокие и обширные знания и ум, далеко переходящий за уровень обыкновенных умов» (35 л. об.). Вместо этой похвальной речи в печати Чернышевскому пришлось поместить нечто очень постное: «Но как бы то ни было, хотя в суждениях «Телескопа» о Пушкине и много ошибочного, — во всяком случае, кто возьмет на себя труд и т. д. — несомненно убедится в том, что в основаниях этих суждений есть много и дельного» (Полн. собр. соч., стр. 310). Все «бесспорные» утверждения оказались совсем опущенными, как показывает следующий ниже текст:

Говорят, что Надоумко строго судил о прежних произведениях Пушкина потому, что был лишен эстетического вкуса: едва ли это так. Людям, которые высказывают такое мнение, советуем прочесть его статью о «Борисе Годунове» — она положительно убедит их, что ни один из нынешних записных критиков не может похвалиться таким верным и проницательным эстетическим тактом, какой обнаруживается этим разбором. [«Телескоп» не преклонял колен в безграничном и почти безотчетном восторге перед Пушкиным, как это делал «Телеграф», — требования «Телескопа» были очень велики, понятия его о необходимых качествах великого поэта очень

¹ В автографе ошибочно — «в произведении».

высоки. Имя Пушкина привыкли произносить вместе с именем Байрона. «Телескоп» не мог не видеть, что это мнение неосновательно, не мог не сказать, что «Онегин» не «Чайльд-Гарольд». Другие могут думать иначе, могут ставить Пушкина наряду с Гете и Байроном; которое из этих двух мнений справедливо, каждый из нас может решать по-своему. Но при своем взгляде на вещи «Телескоп» не мог не говорить о Пушкине так, как говорил.] Надобно заметить, что, говоря о Пушкине, Надоумко и «Телескоп» имели в виду не столько отдельного поэта, сколько представителя русской литературы... (IX—34 об.—35—310)

Заключительный абзац общего характера, рассматривающий вопрос о Надоумко-Надеждине на фоне всей общественной жизни тех дней, когда писалась статья, изобилующий посему многозначительными намеками на современность, естественно не мог быть пропущен цензурой, коль скоро она вычеркивала даже всякое разъяснение выписок из разборов «экс-студента». Вместо него Чернышевский вставил небольшой заключительный переход — о чем он будет говорить в следующей главе. В «Очерках гоголевского периода» Чернышевский, припоминая свои статьи о Пушкине, пишет относительно рассуждений о Надеждине (стр. 157 ук. издания): «Это был едва ли не первый голос в защиту энергического критика, многими забытого, всеми другими осуждаемого».

Следующий ниже незаданный отрывок, равно как и другие, ясно показывает, что этот голос должен был звучать куда более резко, чем то могли думать читатели «Современника», поэтому его усердно старалась придушить цензура.

...мы говорим только о лучших тогдашних критиках. Были в то же время между рецензентами люди и другого разбора, как бываюи они везде и всегда... Неужели Пушкин должен был обращать внимание на этих людей... Неужели и мы должны иметь их в виду, говоря об отношениях Пушкина к современной ему критике? Лучше предать забвению эти вещи, не заслуживающие ничего, кроме забвения и сожаления. [Можно даже прибавить, что и те факты, важные для своего времени, которые приведены нами в настоящей статье, не имеют ныне существенного интереса, как не имеет его многое другое, более или менее важное для своего времени, с такою шумной суетливостью выкапываемое ныне из «бездн пустоты» старых времен. Но если уже вошло в моду говорить о старине, то нельзя не восстать против мнения, столь часто повторяемого и столь несправедливо отнимающего заслуженную честь у людей, которые должны занимать одно из самых «почетных» мест в ряду деятелей на поле нашего просвещения, людей, которые достойны уважения и по своему уму, и по горячей резкости ко всему, что казалось им благом и истинною, и которых имена доселе забываются или даже хулятся по узким и неверным понятиям о их отношениях к Пушкину, между тем как беспрестанно пишутся хвалебные распространения о людях, которые не имели и тысячной доли их достоинств и значения в нашей литературе.] В следующей главе, продолжая говорить об отношениях критики к Пушкину, мы рассмотрим взгляд на нашего великого поэта критиков ближайших к нашему времени¹. (X—36,36 об.—311)

М. Каплинский

¹ Этого абзаца в автографе нет. После слов «в нашей литературе» написано «Конец». На этом и кончаются имевшиеся в нашем распоряжении тексты цензурных купюр из статей Чернышевского о Пушкине.